Эта горькая сладкая месть

Автор:
Дарья Донцова

Эта горькая сладкая месть

Дарья Донцова

Любительница частного сыска Даша Васильева #5

Жизненная установка детектива-любителя Даши Васильевой – если не я, то кто же?.. Став случайной свидетельницей убийства Кати Виноградовой, которой поставили капельницу со смертельной дозой сердечного препарата, Даша бросается на поиски преступника. Узнав, что у убитой есть сын, посаженный за преступление, которого он не совершал, Даша решает помочь ему освободиться. Но тут дело принимает неожиданный оборот – чья-то безжалостная рука одного за другим убирает свидетелей, так или иначе связанных с убитой и ее сыном. Очередь доходит и до Даши – она слишком много раскопала. Однако не так просто справиться с этой хрупкой, но такой изворотливой женщиной…

Дарья Донцова

Эта горькая сладкая месть

Все имена и фамилии в этой книге вымышлены. События, описанные в романе, никогда не происходили в действительности. Любое сходство с реально существующими людьми и обстоятельствами – всего лишь мистическое совпадение.

ГЛАВА 1

Болезнь всегда приходит не вовремя. Только что строила разнообразные планы на лето, перелистывала с детьми рекламные буклеты, как вдруг… бац – и все разом переменилось. Две недели тому назад обнаружила на плече непонятную шишку. Минут пять разглядывала «украшение», потом махнула рукой: выросла, и черт с ней. Но непонятная штука стала быстро увеличиваться в размерах, болеть и отчаянно чесаться. Делать нечего, пришлось нехотя брести к врачу.

Милейшая Татьяна Наумовна осмотрела плечо, быстро переглянулась с медсестрой и фальшиво-бодрым голосом произнесла:

– Деточка, это совершенно ерундовая болячка, у каждого второго появляется. Липома – вполне доброкачественное образование. Но все же следует сходить в специальный диспансер, показаться онкологу и сдать пункцию. Еще раз повторяю, абсолютно уверена в невинности опухоли, но, чтобы не роились подозрения…

И, отводя глаза в сторону, терапевт принялась выписывать кучу бумажек. Через десять минут я в легком обалдении уже стояла в коридоре у двери ее кабинета, держа в руках кипу направлений. Пять анализов крови! Так, понятно: реакция Вассермана, СПИД, общий клинический, на сахар…

А это что: на австралийского кролика? Боже, врач предполагает, что в моем организме завелись зайцевые? Или в лаборатории попросят капать кровью на морду длинноухому? Последний листок оказался самым неприятным. Сверху стояло: «В онкологический диспансер». И адрес – улица Кати Мельниковой. Да это же совсем рядом, прямо за углом. Может, поехать и сразу все выяснить? А то буду мучиться неизвестностью, не спать ночь…

Я завела «Вольво» и порулила в диспансер. Он располагался на первом этаже большого кирпичного дома. Гардероб не работал. Но май в нынешнем году холодный, на мне была куртка, пришлось снять ее и нести в руках. Как-то не очень удобно входить в медицинское учреждение в верхней одежде. Но здесь, судя по всему, такие мелочи никого не смущали. Возле кабинетов сидели люди в плащах, а некоторые даже в пальто.

В регистратуре полная старуха болтала по телефону:

– Сначала добавь воды, потом три яйца…

– Простите, – робко сказала я, – как…

– Не видите, разговариваю, – окрысилась регистраторша и продолжала диктовать рецепт.

Пришлось ждать, за спиной образовалась очередь из тихих людей. Наконец баба шмякнула трубку на рычаг и глянула на всех волком:

– Ну!

Я просунула в окошко направление.

– И чего ходят без конца, нет чтобы дома сидеть! – залаяла милая старушка и отбросила бумажку назад.

Взяв листок, я повертела его и спросила:

– Куда идти?

– Там написано! – рявкнула бабушка.

Приглядевшись повнимательней, я увидела в уголке крохотную циферку 2. Робкие люди за мной не проронили ни слова, они покорно ждали своей очереди. Сжимая листочек, я принялась искать второй кабинет. Пришлось пройти длинный кишкообразный коридор. Дверь нужной комнаты оказалась последней, ее украшала табличка «Онколог Шаранко».

Просидев в очереди около двух часов, я попала наконец в руки докторицы. Маленькая, личико в красных пятнах, одни очки на носу, и еще две пары лежат на столе.

– Ну! – мило обратилась она к больной.

Наверно, в диспансере это приветствие такое, вместо «здравствуйте». Я отдала бумажку. Докторша подняла маленькие глазки:

– Ну?

– Что? – растерялась я.

– Ну? – повторила эскулапша. – Так и будем сидеть? На лбу-то у вас ничего нет, раздевайтесь!

Я вылезла из кофты. Не помыв рук, онкологиня потрогала шишку и вынесла вердикт:

– Рак кожи, меланома, идите сдавать пункцию в процедурный кабинет.

Ноги подкосились, и в ушах зазвенело. Меланома! Самый страшный на сегодня вид рака, практически не лечится, медленная, тяжелая смерть!

– Что сидите-то, – проворчала врачиха, – топайте в пятый кабинет, да скажите в коридоре больным, что полчаса приема не будет. Хочу чаю выпить, а то ходят толпами, надоело.

Я вывалилась в коридор и трясущимися пальцами принялась тыкать в кнопки телефона. По счастью, сын оказался дома. Услышав ужасающие новости, он строго приказал:

– Жди, никуда не двигайся.

Я рухнула в продавленное, ободранное кресло и закрыла глаза. Сейчас приедет Аркашка, сейчас он что-нибудь придумает, сейчас все будет хорошо. Кто-то произнес:

– Вам плохо?

Я разлепила веки. Из соседнего кресла мне улыбалась милая молодая женщина в аккуратном парике.

– Вам плохо? – повторила она. – Не отчаивайтесь, сейчас рак лечат. Вот, посмотрите на меня. Сделали три операции, и здорова абсолютно. Сегодня последний раз капельницу поставят, и все. А что облысела, так это ерунда.

– Как облысела? – ужаснулась я. – Это что, обязательно – лысеть?

Милая дама вздохнула:

– Меня зовут Катя, а вас?

– Даша.

– Дашенька, поглядите вокруг.

Я осмотрелась. Действительно, почти все женщины в паричках, кое-кто в платочках, несколько стриженных под бобрик девушек.

– Последствия химиотерапии, – пояснила Катя, – зато все живы. А волосы не зубы, вырастут. У вас что?

– Меланома, – дрожащим голосом пробормотала я, – вот только что доктор посмотрела и сказала.

– Шаранко?

Я кивнула.

Катюша заулыбалась:

– Не пугайтесь, так диагноз не ставят. Сделают пункцию, да и она на сорок процентов врет, не отчаивайтесь. Шаранко совсем слепая и дура. Недавно в регистратуре карточки перепутали, так наша доктор принялась было больную от рака печени лечить. Назначила уколы, хорошо, пациентка опытная, не первый год сюда ходит. Вовремя заметила и напоминает: «Доктор, у меня рак молочной железы».

– Зачем же она меня так сразу огорошила?

– Господи, – всплеснула руками Катюша, – я же вам сказала, она – дура. И вообще, здесь с нами так разговаривают! Мне в прошлом году химиотерапевт прямо заявила: «Вам две недели жить осталось». И что? Совершенно здорова. Так что не верьте им, лучше садитесь спокойно и ждите пункцию. Здесь по двое запускают. Вот вместе и пойдем – я на капельницу, вы на укол.

От сердца чуть-чуть отлегло, и я вздохнула. Вдруг в коридоре возникло оживление. По грязному линолеуму чуть ли не вприпрыжку бежала неприветливая старуха из регистратуры.

– Сюда, сюда, голубчик, – пела она сладким голосом, – вам в этот кабинетик, тут сама Аделаида Петровна принимает. – За регистраторшей, улыбаясь, вышагивал мой сын Аркадий.

Кешку не потеряешь ни в одной толпе – рост сто девяносто пять. Но что он сделал с бабкой, отчего она светится вся, подпрыгивает и чуть ли не поет от счастья?

Не обращая на меня внимания, сын шагнул в кабинет. Минут через пять дверь снова отворилась, и в коридор выплыла доктор. Высокая, холеная, лет пятидесяти пяти. В ушах и на пальцах приятно мерцали бриллианты. Онкологиня обвела накрашенным глазом присмиревших больных, сфокусировалась на мне и тоже сладко запела:

– Дарья Ивановна, прошу.

Через секунду я стояла в большом кабинете. Аделаида Петровна – так отрекомендовалась дама – тщательно вымыла руки и приступила к осмотру. Потом сообщила:

– Ну, дорогие мои, скорей всего волноваться нечего. Процентов девяносто за то, что на плечике у нас липома, то есть такой миленький жировичок, абсолютная ерунда. Но раз вы здесь, следует сделать пункцию.

– Но доктор Шаранко… – начала я.

– Не надо, не надо, – замахала руками Аделаида Петровна. – Забудем мадам Шаранко, как страшный сон. Если что, ходить станете только ко мне. А теперь в пятый кабинет.

Мы вышли в коридор и сели у дверей.

– Какая милая женщина, – радостно сказала я.

Кешка хмыкнул.

– Почему меня сразу к ней не направили, а послали к этой ужасной Шаранко?

Кешка захихикал.

– Ну, мать, ты даешь. Разве можно так разум терять? Поделился с ними частью коллекции.

– Какой коллекции? – оторопела я.

– Портретов американских президентов, знаешь, на таких зеленых бумажках!

– Но ведь онкологических больных лечат бесплатно!

Кешка вздохнул.

– Сходила к Шаранко бесплатно. Понравилось?

– Нет.

– Ну, так молчи, денег, что ли, нет?

Деньги у нас как раз есть, причем немалые. Получили мы их весьма необычным образом. Корни истории уходят в конец семидесятых годов, когда я однажды под Новый год задержалась на работе. Преподавала тогда французский язык в техническом вузе, бегала по частным урокам и вечно пыталась связать концы с концами. Но они упорно развязывались. Наша лаборантка Наташа, плача,

рассказала мне, что развелась с мужем, ушла из дома и спит теперь на кафедре. Я пожалела дурочку и позвала к себе. Несколько лет мы радостно прожили вместе, воспитывая двух моих детей: четырнадцатилетнего Аркадия и годовалую Маню. Но потом вдруг приключилась невероятная история. Наташка неожиданно вышла замуж за француза и укатила во Францию. Теперь ее следовало величать госпожа баронесса Макмайер. Нечего и говорить, что я вместе с детьми и молодой невесткой получила предложение приехать в гости.

Не успели мы очутиться в столице моды, как события посыпались, словно из рога изобилия. Жана Макмайера, супруга Наташки, убили. В руки вдовы попало немалое состояние: трехэтажный дом в предместье Парижа, коллекция картин, хорошо налаженный бизнес. Поколебавшись, члены семьи решили сначала стать эмигрантами, но тут вышел новый закон, разрешающий двойное гражданство. Теперь живем на два дома, вернее, на две страны: полгода в Москве, полгода в Париже. Вместе с нами катаются туда-сюда дети и домашние животные. И тех, и других у нас много. Аркадий – счастливый отец двух очаровательных близнецов: Ани и Вани. Тринадцатилетняя Маша хочет стать ветеринаром и рисует жуткие, но почему-то пользующиеся спросом картины.

Живем мы в собственном двухэтажном доме возле Кольцевой дороги. Вместе с нами обитают пять собак: питбуль Банди, ротвейлер Снап, английский мопс Хуч, йоркширский терьер Жюли и пудель Черри. Начиналась коллекция псов с пита и ротвейлера. Их купили для охраны. Но, увы, ничего не вышло. И Банди, и Снап самозабвенные обжоры. Пасти страшных охранников вечно заняты какой-нибудь вкуснятиной. Поэтому любой, предлагающий лакомство, автоматически становится другом, а едят они все, особо не кривляясь: сыр, творог, яйца, печенье, суп, оладьи, чипсы, соленые огурцы и орехи. Человека, первый раз пришедшего в дом, псы встречают, отчаянно крутя хвостами и заглядывая в руки. Им и в голову не придет залаять или оскалить зубы.

Йоркширскую терьершу Жюли привезла с собой в дом няня Серафима Ивановна, нанятая для близнецов. Пуделиху Черри в пятимесячном возрасте оставил на недельку близкий приятель, уезжавший в командировку. С тех пор прошло пять лет, а он так и не вспомнил про собачку. Хуч… Появление Хуча – особая история, о ней в другой раз.

– Мать, – засопел в ухо Аркадий, – ты что?

– Ничего, просто задумалась.

Кешка посмотрел на меня с жалостью. Потом вздохнул и пошел в процедурный кабинет. Через минуту выглянула медсестра. Очевидно, она не привыкла улыбаться, потому что губы растянула до ушей, но в глазах сохранила холод Арктики.

– Васильева! – крикнула девушка.

Я поглядела на притихшую Катюшу.

– Пойдемте.

– Меня не звали, – вздохнула женщина.

– Ладно, пошли, сами же говорили, что входят по двое.

Мы вдвинулись в довольно большое помещение с огромными окнами. Посередине комнаты стояла ширма, делящая кабинет на две части. В первой находилась кушетка, на которую было велено ложиться Катюше. Во вторую проводили меня и усадили на стул. Медсестра погремела какими-то железками в лотке и недовольно пробормотала:

– Опять унесли.

Потом вздохнула и объявила:

– Вы тут подождите обе, я скоро.

Шаркая тапками, она вышла в коридор. Мы с Катюшей молчали: она на кушетке, я на стуле. Болтать не хотелось, да и ситуация не располагала. В дырочку между складными частями ширмы было хорошо видно Катю, ее бледное лицо и аккуратный кудрявый паричок.

Вдруг дверь распахнулась, в кабинет вошла другая медсестра. Высокого роста, лицо закрыто хирургической маской, довольно крупное тело затянуто в чуть тесноватый халат, на ногах не тапочки, а ботинки. В руках женщина держала большую бутылку. Не говоря ни слова, вошедшая вставила принесенный сосуд в

штатив, ухватила Катю за руку и воткнула иголку.

Больная ойкнула и спросила:

– Вы новенькая? А где Галя? Мне всегда она химию колет.

Медсестра молча наладила капельницу и почти убежала из кабинета. Что-то было в ней странное.

– Какие они здесь все нелюбезные! – крикнула я.

– Да уж, – согласилась Катенька, – лишнего слова не скажут, лают как собаки, а все потому, что мы бесплатные. Вот девица, например, что сейчас приходила, явно новенькая, а тоже злая.

– Почему думаете, что новенькая?

– Хожу сюда почти год, всех знаю, а эту первый раз вижу.

Она замолчала. Я огляделась по сторонам. Шкафчик с какими-то лекарствами, названий которых никогда не видела: циклофосфан, зофран, методрексат.

– Пункцию больно делать? – обратилась я снова к Катюше.

Та молчала. Я глянула в дырочку и обомлела: лицо женщины приобрело странный синеватый оттенок, на лбу блестели крупные капли пота. Рот судорожно подергивался.

Я выскочила из кабинета и бросилась к приветливой Аделаиде Петровне.

– Сейчас приду, – пообещала та.

Я понеслась назад. Катюше стало совсем плохо. Наклонившись над ней, я услышала хриплый, прерывистый шепот:

– Сумка, возьми, отдай, Виолетта, страшная, страшная, отдай…

Женщина захрипела, изо рта потекла пена. Вошедшая Аделаида Петровна моментально выдернула капельницу и принялась делать искусственное дыхание. Откуда ни возьмись принеслась куча народа. В несчастную Катюшу втыкали шприцы, громыхали какие-то аппараты. Потом ворвались двое мужчин с чем-то похожим на утюги, стали прикладывать к голой груди бедняжки и кричать: «Разряд!» Тело подпрыгивало на кушетке, но на мониторе по-прежнему ползла прямая линия. Тут медики заметили меня и незамедлительно выгнали в коридор.

Я села возле кабинета, крепко сжимая две сумочки – свою и Катюшину. Примерно через полчаса появились санитары с носилками, на которых лежало тело, с головой закрытое простыней. Аделаида Петровна высунулась в дверь и поманила меня пальцем. Как агнец на заклание, вошла я снова в уже знакомую процедурную. На кушетке валялись грязные, скомканные простыни, стоял ужасный запах. Медсестра Галя рыдала у окна, судорожно повторяя:

– Не ставила капельницу, ей-богу, не ставила. Пошла в аптеку…

– Прекрати, – оборвала стенания врач, – что, по-твоему, больная сама себе инъекцию ввела? И как можно перепутать бутылки? Что ты ей впустила, ну!

Бедная Галя затряслась как осиновый лист и зарыдала пуще. Я решила вмешаться.

– Это не Галя делала укол!

Аделаида Петровна уставилась на меня во все глаза.

– А кто? Святой дух?

– Нет, конечно. Вошла женщина в белом халате и маске, наладила капельницу и ушла, я все в дырку видела!

Галя подскочила ко мне и схватила за руку:

– Пожалуйста, миленькая, дорогая, душенька, дайте свой адрес и телефон, вы единственный свидетель!

Я отдала ей визитную карточку. Аделаида Петровна промокнула кружевным платком вспотевший лоб, сама сделала мне пункцию, оказавшуюся самым обыкновенным уколом, и усталым голосом протянула:

– Вот ведь как бывает! Столько операций выдержала, шесть курсов химии! И на последнем уколе – аллергический шок! Ничего поделать не смогли.

– Отчего это? – осторожно поинтересовалась я, глядя, как доктор аккуратно упаковывает пробирку с какой-то жидкостью.

– Вскрытие покажет, – сообщила онколог, – скорей всего перепутали бутылки и ввели что-то совершенно неподходящее. Дело подсудное. Никак не пойму, что за медсестру вы видели? Высокая, крепкая, в хирургической маске?

– Да.

– Нет у нас таких. Девочки мелкие, маски не носят. И потом, в диспансере четкое разделение труда. Галя работает только в процедурном. Она делает уколы и капельницы. В другую смену приходит Лена. Больше никто не имеет права сюда даже заходить.

Покачивая головой, Аделаида Петровна проводила меня почти до выхода. У подъезда в машине сидел Кешка. Мы поехали домой цугом – сын впереди в «Мерседесе», мать позади него в «Вольво». Конечно, он на бешеной скорости умчался вперед. Я же, как всегда, тащилась в правом ряду. Ну боюсь гонять по улицам, да и вижу не слишком хорошо.

Сегодня голова была занята не дорогой. Перед глазами вставала веселая, радующаяся жизни Катюша, потом возникла кушетка, медсестра… Стоп! От неожиданности нога сама собой нажала на тормоз. «Вольво» покорно замерла. Сзади раздались гудки и нетерпеливый крик. Но мне было все равно. Я поняла, что показалось странным в облике девушки – ботинки! На ногах у вошедшей были самые обычные полуботинки черного цвета на шнурках, размера эдак сорок пятого. Ну покажите хоть одну даму с такой ножкой! Значит, капельницу наладил мужчина!

ГЛАВА 2

Утром спустилась в столовую абсолютно разбитая. Мерзкая шишка, после того как ее щупали и втыкали в нее иголки, принялась немилосердно болеть. Результаты анализов прибудут только через десять дней, а вдруг и впрямь меланома? Что тогда? Аркашка, правда, уже взрослый, но Маруся совсем ребенок, только-только тринадцать исполнилось. Полная грустных раздумий, я принялась пить кофе, и тут на глаза попалась сумочка Катюши. Что она бормотала перед смертью? Надо отдать какой-то Виолетте? Что отдать?

Руки сами собой потянулись к потрепанной сумке из искусственной кожи и открыли замок. Небогатое содержимое вывалилось на стол. Расческа, дешевая губная помада, сильно припахивающая вазелином, связка ключей, носовой платок, пара мятных леденцов, кошелек и паспорт.

На первой страничке бордовой книжечки стояло: Виноградова Екатерина Максимовна, год рождения – 1959-й. Надо же, мы почти ровесницы, а как отлично выглядела убитая, ни за что не дала бы женщине больше тридцати пяти. Штампа о бракосочетании не было, зато в графе «Дети» обнаружился Виноградов Роман Иванович, 1978 года рождения. Так, все более или менее ясно. Мать-одиночка. Интересно, сообщили ли Роману о смерти Кати? Вдруг мальчишка всю ночь разыскивал пропавшую мать? Потом, у бедняжки, вполне вероятно, есть отец и мать, представляю, как они волнуются.

Заглянула в кошелек – проездной на метро, десять долларов, двести рублей и куча пробитых талончиков. Копеечная сумма, а вдруг – последняя? Катюша совершенно не походила на богатую даму: простенький свитерок, старенькая юбочка!

Нет, надо ехать к ней домой, отдать сумку и заодно разузнать, кто такая Виолетта.

Жила несчастная женщина на Зеленой улице. Каскад белых блочных башен постройки семидесятых годов выглядел удручающе. Поплутав минут пятнадцать среди домов с одинаковыми балконами, я наконец нашла нужный подъезд. Никакого домофона нет и в помине, стены на лестнице исписаны надписями «Мишка – казел» и «Спартак» – чемпион». В лифте кто-то сжег кнопки, но сама машина, кряхтя и вздрагивая, доставила меня на девятый этаж.

Квартира двести семьдесят пять оказалась в самом конце коридора. Я позвонила один раз, потом другой, третий – тишина. Дома явно никого не было. Из-под двери немилосердно дуло, скорей всего в помещении открыты форточки. Ну и что делать? Куда все подевались?

Постояв минуту в задумчивости, я вытащила ключи. Войду внутрь, оставлю на видном месте сумку и напишу записку. Замок был самой простой конструкции, такой и пальцем открыть можно. Я втиснулась в узенький темный коридорчик и громко крикнула:

– Есть кто дома?

В ответ – ни звука. Только слышно, как в кухне капает из крана вода. Нашарив рукой выключатель, я надавила на панель: раздался тихий щелчок, и свет экономной 40-ваттной лампочки осветил маленькую вешалку. Крючки пустые, внизу только одна пара сильно поношенных красных тапочек. Сняв для порядка сапоги и куртку, я пошла бродить по квартире и с первых же минут поняла, что жила Катюша одна.

Комнат было всего две. Одна побольше, очевидно гостиная. Диван, два кресла, болгарская «стенка», простенький отечественный телевизор. На полках – тьма дамских романов: «Любовь слепа», «Люби меня вечно», «Страстная маркиза».

Да, очевидно, бедняга не имела любовника.

Потертый палас и самые простые занавески довершали сей убогий пейзаж.

Вторая комната поменьше. Тут тоже стоял диван, большой гардероб, висело несколько полок с учебниками по автоделу.

В кухне, микроскопической, но до невероятности аккуратной, тосковал на плите слегка оббитый чайник. В шкафчиках – минимум посуды. Да, ужасная, неприкрытая бедность. На столе лежал конверт. Я поглядела на обратный адрес: город Пожаров, седьмой отряд, Виноградову Роману Ивановичу, УУ2167.

Понятно. У бедной Катюши сын отбывал срок на зоне. Пальцы сами вытащили письмо, глаза побежали по тексту. «Дорогая мамочка. Передачу получил.

Большое спасибо, но не надо так тратиться. В другой раз вместо шоколадных конфет пришли карамелек, лучше сигарет побольше. А еще передай кусок мыла, пару носков и несколько футболок. Жду не дождусь, когда ты приедешь на свидание. Очень волнуюсь о твоем здоровье. Мамулечка, не расстраивайся, справедливость восторжествует, Виолетта сдохнет, а меня освободят. Жду писем. Рома». Я медленно сложила письмо и сунула в карман. Жаль парнишку. Всего двадцать лет – и уже в тюрьму попал. Интересно, сообщили пареньку о смерти матери? И что с ним теперь будет? Судя по всему, у Романа никого, кроме мамы, нет. На письме стояла дата – 3 апреля, а сегодня 16 мая. Не похоже, что мальчишка настоящий уголовник, о матери беспокоится. Что же это за Виолетта такая?

Домой я приехала к двум часам. Аркадий как раз опустил ложку в суп.

– Мать, где шлялась? – спросил он строгим голосом.

– Тебе надо было становиться не адвокатом, а прокурором, – парировала я.

Кешка захихикал.

– Ну уж нет, прокурору, бедняге, где заработать, разве что взятки брать. А нам, адвокатам, хватает на хлеб с котлеткой.

Я вздохнула. Кешка совсем недавно получил диплом и за спиной имел пока одно, правда успешное, дело. Подзащитный – мелкий, неудачливый жулик – еле-еле наскреб триста долларов на гонорар «Перри Мейсону». Смехотворная сумма, но Аркадий раздулся от гордости, как индюк. Впрочем, лиха беда начало, не все ведь сразу стали Генри Резниками.

– Кешик, а где можно узнать адрес колонии?

– В ГУИНе, – пробормотал юрист с набитым ртом, – Главном управлении исполнения наказаний, на Бронной, возле «Макдоналдса», а зачем тебе?

По счастью, в этот момент в столовую влетела Маня, моя дочь и сестра Аркадия. Хотя называть Аркадия и Маню родственниками – неверно. Кешка на самом деле приходился сыном моему первому мужу, но при разводе почему-то остался со

мной. Марусю принесло мне четвертое замужество. Мы с ее отцом Андрюшей Куловым прожили всего ничего – меньше двух лет. Потом он с новой женой собрался эмигрировать в Америку. У моей заместительницы оказалась восьмимесячная дочь. «Ну не тащить же младенца с собой, незнамо куда, – рассуждал Андрюшка. – Дашка, будь человеком, пригляди за девчонкой месячишко-другой. Как устроимся, заберем».

С тех пор прошло тринадцать лет. За эти годы из маленького провинциального городка Юм штата Айова пришло только одно письмо. Андрей сообщал, что Машина мать умерла, он женился вновь и ребенок ему ни к чему. В конверте лежало свидетельство о смерти. Целый год я оббивала пороги разных учреждений, добиваясь разрешения на удочерение. Когда Марусе исполнилось двенадцать лет, мы с Кешкой рассказали ей правду. Маня фыркнула, дернула плечиком и заявила:

– Совершенно все равно, из какого живота я выползла на свет, мамуля.

С тех пор вопрос больше не поднимался никогда. Не слишком близкие знакомые порой удивляются, до чего не похожи друг на друга мои дети. Кешка – высокий, худой, с журавлиными ногами. Его каштановые волосы вьются картинными кудрями, глаза необычного орехового оттенка. В детстве он доводил нас с Наташкой почти до обморока, отказываясь от любой еды. На какие только ухищрения мы не пускались: делали мышей из яиц и хлеба, плясали перед ним за съеденную кашу, надевали старую бабушкину шубу и бегали по кухне на четвереньках, изображая тигра. Все без толку. Один раз решили оставить его в покое. Не ест, и ладно – в конце концов проголодается. Через три дня подвели итог – за все время мальчик уложил в желудок два яблока и калорийную булочку. Просто кошмар!

Маня – полная противоположность. Толстенькая блондиночка с огромными голубыми глазами. Ест она, как молодой волчонок, – все подряд, и побольше, пожалуйста. Никакие доводы в пользу стройной, красивой фигуры на нее не действуют. На письменном столе громоздятся пустые пакеты из-под чипсов и банановые шкурки. Больше всего девочка любит лакомиться чем-нибудь вкусненьким перед сном, в кровати. Наша сверхаккуратная домработница Ирка только вздыхает, глядя на вымазанные шоколадом наволочки и пододеяльники. Кешка разговаривает тихим голосом, а Маня всегда кричит. Сын любит лечь около десяти и встать в восемь, Маруська до двенадцати читает книжки и, если не разбудить, продрыхнет до часу дня. Полярно разные во всем, они нежно

любят друг друга.

– Мамусечка, – заорала Манюня, – как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно, детка!

– Знаешь что, – возвестила дочь, азартно работая ложкой, – нам в Ветеринарной академии сказали, что онкология не болит и не чешется, так что у тебя точно липома, отрежут – и все.

Я содрогнулась. Совершенно не хочу, чтобы от меня что-нибудь отрезали, даже липому! В столовую легким шагом вошла Ольга, жена Аркашки. Зайчик, так зовут женщину домашние, сурово взглянула на мужа и гневно спросила:

– Кто разрешил Ваньке съесть целую шоколадку?

Аркашка смущенно заерзал на стуле, потом попробовал подлизаться к супруге:

– Заинька, смотри-ка, ты так здорово похудела!

Моя невестка похожа на вязальную спицу, но отчего-то считает себя ожиревшей свинкой и вечно сидит на диете. Мелкий подхалимаж мужа не произвел на нее никакого действия.

– Кто дал Ваньке шоколадку?

– Я, – кинулась на помощь Маня, – я!

Зайка с недоверием взглянула на девочку и покачала головой.

– Какой шоколадкой угостила племянника?

– «Аленкой».

– Никогда не ври! – возмутилась Ольга. – Какой-то идиот, и я знаю, кто он, дал мальчишке гигантский «Фрутс энд натс», и теперь глупый ребенок похож на

больного псориазом и все время чешется!

Ее карие глаза метали молнии. Несчастный супруг вжал голову в плечи и постарался стать ниже ростом.

– Ну я пошла, – протрубила Маня, – уроков назадавали!

И она со скоростью молнии ретировалась из столовой, за ней понеслись собаки. Зайка продолжала буравить Кешку негодующим взглядом. Я предпочла оставить поле надвигающейся битвы, решив, не откладывая, съездить в организацию с милым названием ГУИН.

В маленькой приемной не оказалось ни одного человека – ни посетителей, ни секретарши. Шесть пустых стульев, и все тут. Дверь с табличкой «Начальник» была распахнута настежь. Внутри маленькой комнаты виднелись стол и два стула. На одном сидела женщина лет пятидесяти, с приятным, интеллигентным лицом. На другом – звероподобный парень, весь в наколках.

– Подумай сам, Горюнов, – тихо говорила женщина, – кто же разрешит тебе проживать в Москве. Ты ведь у нас особо опасный, так?

– Так, – благодушно согласился парень.

– Давай я тебе материальную помощь выпишу, справку дам и в Тверь отправлю. Устроишься на работу, может, хоть чуть-чуть на воле поживешь, зубы вылечишь. А то стыд смотреть, тридцати нет, а во рту одни пеньки. Ты уж сначала коронки поставь, а только потом за старое принимайся, а то опять в тюрьму беззубым попадешь. Воровать ведь не бросишь?

Парень задумчиво почесал в затылке.

– Имидж у меня такой – вор. А в Тверь ехать! Если бы все мусора такие были, как вы, Валентина Никаноровна, я точно бы завязал. Только вы такая одна на все МВД, взяток не берете, по зубам не колотите и как с человеком разговариваете. В Твери небось сразу бабки за прописку потребуют!

– Не говори глупостей, Горюнов, – сказала Валентина Никаноровна, – позвоню в Тверь, прослежу. Давай, иди деньги получать.

Парень шмыгнул носом и вышел в приемную.

– Следующий! – крикнула женщина.

Я вошла в кабинетик и внимательно посмотрела на начальницу. Милое, располагающее лицо, в глазах – доброта. Такой типаж скорей встретишь в школе. Этакая пожилая учительница, любимица детворы. Но в приемной ГУИНа?!

– Слушаю все внимательно, – сказала Валентина Никаноровна.

И внезапно я рассказала ей все: про диспансер, болезнь, врача Шаранко, смерть Катюши и письмо Романа. Валентина Никаноровна вздохнула:

– Ох, жаль парня. Тяжело на зоне, если дома никого. И дело даже не в том, что посылок не пришлют. Иная мать ничего, кроме лука, и не привезет, но морально поддержит. – Она порылась в большом справочнике и дала мне адрес, потом позвонила в колонию и сказала: – Андрей Михайлович, это Валентина Никаноровна из ГУИНа. Там у вас Роман Иванович Виноградов, 1978 года, в седьмом отряде. Так вот, к нему тетка собралась, а в личном деле ее нет. Она к вам подъедет… Как приедете, идите сразу к начальнику, напомните о моем звонке, а то не пустят на свидание.

Не успела она договорить, как на пороге появился коренастый паренек с букетом.

– Вот, – сообщил он радостно, – все, подчистую, и первым делом к вам.

Сзади мальчишки маячила всхлипывающая мать:

– Ну, Валентина Никаноровна, теперь ведь можете букет взять – все, освободился.

– Ладно, ладно, – засмеялась женщина, – давайте ваш веник. А ты, Ромов, смотри больше никогда с уголовниками не связывайся, дорого за глупость заплатил.

– Ой, дорого, – зарыдала в голос мать, – если бы не вы…

Я потихоньку выбралась из кабинета. Оказывается, на любой должности можно остаться человеком, жаль только, что такие люди, как Валентина Никаноровна, столь же редки в системе МВД, как алмаз «Орлов» в природе.

ГЛАВА 3

Город Пожаров совсем недалеко от Москвы. По сухой дороге «Вольво» бежала меньше часа. Загадочная УУ2167 отыскалась на окраине, возле конечной остановки трамвая. На дороге возник щит: «Стой! Режимная зона. Проезд запрещен».

Я послушно запарковала машину и пошла вдоль сплошного бетонного забора с колючей проволокой. Чуть вдали виднелось приземистое, невысокое здание из красного кирпича. Погода стояла хорошая, и у открытого окна курили молодые парни. «Зэки», – догадалась я и крикнула:

– Мальчики, скажите Роме Виноградову, что к нему тетя из Москвы приехала.

Не успел язык докончить фразу, как на территории колонии взвыла сирена. По узкой дорожке ко мне уже бежали два парня с автоматами. Их круглые, почти детские лица наполняла страшная серьезность. Впереди неслась довольно тощая немецкая овчарка.

– Руки за голову, стоять! – прокричал один.

Второй угрожающе поклацал затвором. Я растерялась:

– Вы мне?

– Тебе, тебе, – обозлился милиционер, – зачем перекрикивалась с контингентом?

– А что, нельзя?

– Давай двигай на КПП, – окончательно разозлился парень.

Мы пошли по дорожке. Солнышко припекало. Ободранная овчарка все время тыкалась носом в пакет, который я несла в руках. Машинально погладила ее по голове.

– Не смей трогать служебную собаку! – закричал конвоир.

Овчарка глянула на меня голодными глазами и опять поддела носом пакет. Я посмотрела на милиционеров. Лет им по восемнадцать, не больше, тощие шеи торчат из форменных воротничков, личики мелкие и какие-то несчастные.

– Вот что, мальчики, ваша служебно-разыскная собачка просто очень голодная. У меня в пакете лежат булочки с курагой и яблоками. Кто из вас какую хочет?

– Мне с яблоками, – быстро сказал сердитый.

– Вечно тебе повкусней достается, – заныл второй.

Собака уселась на пыльную дорогу и начала бешено мести хвостом. Я открыла пакет и вытащила сдобу. Парни проглотили угощенье разом, почти не жуя. Потом запили «Спрайтом» и осторожно закурили незнакомый «Голуаз».

– Где уж тут ее прокормить, – тоскливо сказал один из конвоиров, глядя, как голодная собака облизывается, проглотив булку, – на нее вообще сорок копеек в день положено. Другая бы кошек переловила, а эта дура с ними играет. Спасибо, контингент иногда от передач отсыпает, а то бы подохла, бедолага.

Парни вскинули автоматы и повели арестантку на КПП. Круглолицый румяный дежурный долго ругал меня, но, услышав, что приехала к начальнику, да еще с рекомендацией из ГУИНа, вздохнул и позвонил по телефону. Через пару минут залязгали железные двери, появился солдатик, и мы пошли в административный корпус.

Андрей Михайлович, начальник колонии, высокий мужик лет пятидесяти, встретил меня довольно неприветливо. Он снял фуражку, вытер вспотевшую лысину и буркнул:

– Ну, зачем приехали?

– Хочу повидать Романа Виноградова.

– Свидания только по субботам и воскресеньям.

– Видите ли, я из Москвы…

– Да хоть из Нью-Йорка, правила для всех одинаковы.

Надо же какой неприступный, ну не предлагать же ему денег! Хотя можно попробовать по-другому. Я мило улыбнулась и сладко запела:

– Уважаемый Андрей Михайлович. Может, смогу чем-нибудь помочь колонии, оказать, так сказать, гуманитарную помощь. Хотите, книг в библиотеку привезу.

– Да к чему они нам, – вздохнул начальник, – вот лучше…

– Что?

– Краски масляной для стен и пола.

– Сколько?

– Ну, – замялся полковник, – в зависимости от материальных возможностей, банки две-три, и розеток электрических, шпаклевки, побелки – в общем, стройматериалов.

Я поглядела на его потное лицо.

– Сейчас съезжу в город, куплю. Разрешите тогда свидание?

– А как же, – обрадовался собеседник, – и передачку сможете отослать.

Да, про передачу-то я совсем не подумала!

Магазинчик стройматериалов отыскала буквально в двух шагах от режимной зоны. Скорей всего хозяин хорошо осведомлен о проблемах лагеря, вот и устроился на бойком месте. Я смела все, что было на прилавках, – краску, мешки с побелкой и шпаклевкой, сорок розеток и еще столько же лампочек. У «Вольво» огромный багажник, но нечего было и думать о том, чтобы запихнуть туда все покупки. Пришлось возвратиться к начальнику.

Услышав о проблеме, Андрей Михайлович с трудом скрыл ликование:

– Сейчас, сейчас! – И схватился за телефон.

Через пару минут в кабинете стояло пять парней в камуфляже.

– Поступаете в распоряжение Дарьи Ивановны, – строго приказал полковник.

Мальчишки покорно побрели за мной. Часть банок и мешков мы запихнули в багажник, отвезли по месту назначения и вернулись за следующей порцией. Устав, я облокотилась на капот и со вкусом закурила.

– Мамаша, – робко сказал один из парней, – сигаретки не найдется?

Я протянула им «Голуаз». Солдатики поглядели на незнакомую пачку, почесали в затылке и аккуратно вытащили курево.

– Ребята, а что в передаче на зону посылают?

Помощники оживились.

– Ой, чего только не передают. Тут один мошенник сидит, так такое получает: и бекон, и кофе, и сгущенку. Даже рыбу горячего копчения, он угощал, такая вкусная!

Примерно часа через полтора еще более вспотевший, но страшно довольный начальник ввел меня в длинную комнату. Посередине она была разделена стеклянной перегородкой. По обеим сторонам перегородки стояли столы с телефонами и колченогие стулья.

Я села за один из столов и стала ждать. Внутри помещения что-то залязгало, и по ту сторону стекла появился невысокий юноша, совершенный мальчишка. Щуплый, с длинными руками. Волосы пострижены коротко, почти брит наголо, в глазах тревога. Одет Роман был в какую-то жуткую черную куртку.

– Кто вы? – без всякого приветствия крикнул юноша, схватив телефон.

В аппарате что-то шуршало и почему-то слышалась радиопередача.

Как можно более осторожно я рассказала ему, что случилось с Катюшей. Рома закрыл лицо ладонями и заплакал. Моментально прибежал конвойный, схватил трубку и рявкнул:

– Кончай над парнем издеваться. Он уже исполняет наказание, а от твоей ругани лучше не станет. Чего передачу не шлешь? Последняя ему в конце марта была. Мамаша!!!

Я объяснила защитнику суть дела. Милиционер присмирел, потом заклацал дверью и поманил меня пальцем. Я вошла внутрь небольшого помещения без окон. Два стула, и все. Через секунду ввели Романа.

– Раз уж такое дело, – тихо пробормотал отрядный, – поговорите спокойно, без стекла, времени вам час. Мы же тут не звери, понимаем все-таки.

Вблизи Рома показался еще моложе, просто испуганный мальчишка с размазанными по щекам грязными потеками.

– Как же так, – растерянно бормотал он, – ведь она совсем вылечилась, веселая приезжала, совсем здоровая, только тошнотой мучилась.

Я еще раз повторила рассказ про капельницу. Паренек вздохнул.

– Все Альберт с Виолеттой – сволочи. Меня посадили, а мама от горя заболела.

– Кто это? И вообще, что ты натворил?

Юноша утерся грязным носовым платком и рассказал совершенно невероятную историю.

После окончания школы он пытался поступить в автодорожный институт, но неудачно. По счастью, армия ему не грозила. В детстве попал под машину, и хирурги ампутировали несколько пальцев на левой ноге. Ходить не мешает, но для службы не пригоден. Рома пристроился работать агентом в риэлторскую контору. Денег получал немного, но им с мамой, в общем, хватало. Катюша работала швеей, и жили они тихо. Отца мальчишка никогда не видел. Очевидно, жизнь и дальше бы катилась по устойчивому маршруту, но тут появилась Светлана Павловская. Она попросила Рому оказать ей услугу, продать четырехкомнатную квартиру. Вроде дело простое, но на жилплощади прописан человек, который не хочет съезжать.

– Подожди, – спросила я его, – а почему она обратилась к тебе с таким щекотливым, противозаконным делом?

Выяснилось, что Рома учился в одном классе с сыном Светланы Павловской – Игорем. Мальчики дружили, часто бывали друг у друга в гостях. Желая услужить матери приятеля, к тому же обещавшей хорошо наградить помощника, Рома переговорил с начальником. Тот, хитрый, прожженный делец, ухватился за предложение, и в два счета апартаменты продались. Деньги отдали Павловской. Светлана рассыпалась в благодарностях и сообщила, что через неделю даст Роману тысячу долларов. Но через семь дней мальчишка получил совсем другую награду. В восемь утра в их маленькую чистенькую квартирку вломились сотрудники РУОПа. Ничего не понимающего паренька уволокли в Бутырку. Рыдающая Катюша понеслась в милицию. Ее встретил гадко ухмыляющийся следователь по имени Искандер Даудович. Поблескивая маслянистыми глазками и ощупывая сальным взглядом аккуратную Катюшину фигурку, он сообщил ей совершенно невероятную информацию. Светлана Павловская пришла в милицию с заявлением. Женщина сообщала, что Роман Виноградов обманул ее при продаже квартиры. Продать продал, а денег не отдал, все сто тысяч долларов присвоил, оставив ее, Павловскую, на улице, без средств.

Первые несколько дней следователь здорово колотил Рому, чтобы выбить из него признание. Но несчастный парнишка только твердил, что доллары передавал хозяину. Положение усугублялось еще и тем, что отец Светланы Павловской – Альберт Владимирович – был высокопоставленный человек. Доктор наук, профессор, академик. По написанным им книгам училось не одно

поколение экономистов. Связей и денег в семье Павловских было предостаточно, не то что у бедной Катюши.

Следствие провернули за две недели. Еще год Рома провел в Бутырке, поджидал суда. Самый справедливый и гуманный в мире вломил парню семь лет с конфискацией имущества. Но когда судебный исполнитель явился к Виноградовым, оказалось, что конфисковывать нечего. Ни золота, ни дорогой бытовой техники, ни машины.

Сто тысяч долларов как испарились. Светлана, рыдая на всех углах, рассказывала, что не получила ни копейки. Но через несколько недель после того, как Рома попал в тюрьму, она купила новую квартиру. И опять, плача, сообщила всем, что деньги, последние деньги, отдал ей папа, неспособный смотреть, как дочь с семьей мучается почти на улице.

С тех пор прошло два года. Бедная Катюша от переживаний получила онкологическое заболевание, абсолютно невиноватый Рома мотал срок, а Павловские купили дачу.

– Они все такие противные, – шмыгал носом рассказчик. – Альберт Владимирович надутый, как павлин. Светлана с виду ласковая-ласковая, просто противно. Муж ее – Валерий – жуткий бабник. А еще есть брат Светланы – Дима, тот просто кошмарный тип. Сама Виолетта Сергеевна ничего. Почему они так поступили, что я им сделал? За что?

– Кто такая Виолетта Сергеевна?

– Жена Альберта Владимировича.

Он высморкался и попросил:

– Дарья Ивановна, оставьте пачку сигарет, а то здесь курево – основная валюта.

Вернулся конвойный и увел Рому. Я вышла в большую комнату, где сидели несколько человек с сумками. В окошке миловидная девушка в военной форме принимала передачи.

– До которого часа работаете?

– В пять закрою, – ласково сообщила блондинка.

– Подскажите, где лучше продукты купить?

– В нашем магазине, – оживилась приемщица. – Дверь рядом с КПП. Очень удобно. Правда, немного дороже. Но если приобретете все в городе, придется разворачивать.

– Как?

– Просто. Конфеты, шоколад, чай, кофе – все россыпью, в простых прозрачных мешочках. А из нашей лавки доставят контингенту в ненарушенной упаковке.

Я согласилась, что так удобней, и двинулась в магазин. Купила большую клетчатую китайскую сумку и стала крушить прилавок. Десять блоков сигарет, два кило бекона, сыр, тушенка, масло…

– Можно только 20 килограмм , – сообщила продавщица, щелкая калькулятором.

Гора продуктов росла, но тут в магазинчик вошли двое в камуфляжной форме.

– Зинулечка, – радостно крикнул один, – взвесь нам этих вкусненьких конфеток к чаю.

И он ткнул пальцем в дешевую «Киевскую» помадку.

– Отстань, – рявкнула продавщица, – видишь, человека обслуживаю! Денежный покупатель, не вам чета.

Мужики присмирели и пристроились возле окна.

Я быстро сказала:

– Пожалуйста, отпустите им конфеты, я никуда не тороплюсь.

Зина вздохнула, выложила на прилавок клеенчатую тетрадь и недовольно осведомилась:

– Сколько вам?

– Нет, нет, – обрадованно сообщили мужики, – заплатим наличными. Взвесь сто пятьдесят грамм.

Близоруко прищуриваясь, продавщица запустила руку с облупившимися ногтями в банку и принялась сыпать на весы неопрятного вида комочки. Она долго крошила одну конфетку, добиваясь точного веса. Парни не скрывали радости.

– Зарплату дали, – сообщил один.

– Февральскую, – уточнил другой.

Они прихватили бумажный кулечек и побежали чаевничать. Я ухватила тяжеленную сумку и поволокла сдавать передачу.

На обратной дороге в голове теснились самые разнообразные мысли. Зачем такому человеку, как академик Павловский, преподавателю с мировым именем, растаптывать в пыль мальчишку? А в невиновность Ромы я поверила сразу. Видела их бедненькую квартирку и застиранную кофточку Катюши. Деньгами у Виноградовых и не пахнет. Так зачем засаживать парня? Ох, чует мое сердце, попал бедный Роман как кур в ощип. Надо помочь мальчишке, никого ведь у бедолаги нет, круглый сирота.

Дома я сначала долго мылась в душе, пытаясь смыть запах колонии. Потом села изучать телефонную книжку. Как подобраться к Павловским? Может, Алена Решетникова поможет? Все-таки закончила экономический факультет и работает в каком-то НИИ.

Алена великолепно знала Альберта Владимировича.

– Заведует лабораторией в нашем институте. Тот еще кадр: спесивый, надменный, злопамятный. Если невзлюбит, пиши пропало. Не остановится, пока вообще из науки не выпрет. Двоих деток родил. Дочурка Светлана – этакая змея

в сиропе. Будет тебе в глаза ласково-ласково заглядывать, за руку брать и в вечной любви клясться. Мы на одном факультете с ней учились. Так вот на третьем курсе Светочку крепко избили в туалете. Выяснилось, что она наушничает куратору, тайком отмечает тех, кто пропускает лекции. И зачем ей это было надо? Ну ладно какая-нибудь провинциалка! Той выслужиться хочется, чтобы место в аспирантуре получить да из столицы не уехать. Но Светка! С таким папой! Из любви к искусству действовала. Братик ее, Димочка, на два года моложе. Вот уж где полный караул! Бедненький Альберт Владимирович замучился, все пытался из сынули кандидата наук сделать. Потом, наверное, плюнул и сам написал ему диссертацию. Представляешь, какой цирк на защите вышел! Димочка еле-еле на вопросы отвечает, папуля красный сидит. Ну да бог с ним, жалко больного.

– Кого?

– Диму, он болен.

– Чем?

– Патологическое обжорство.

Я захихикала.

– Нечего смеяться, – сообщила Алена, – на самом деле болезнь такая есть, медицинский диагноз. Дима постоянно ест, весит почти 200 килограмм , а остановиться не может. Говорят, на нервной почве возникает. Еле-еле женили бедолагу. Там вообще семейка – жуть. Один Светкин муженек Валерка дорогого стоит. Самозабвенный бабник, ни одной юбки не пропускает, хотя, если вспомнить про Светку, может, он и не виноват. Одна Виолетта Сергеевна приятная, милая и интеллигентная.

– Можешь меня с ними познакомить?

Алена призадумалась.

– Надо сказать, что ты приехала из Казани и хочешь показать диссертацию.

– Господи, да я же в экономике как свинья в коньяке разбираюсь, и почему Казань?

– Альберт Владимирович родом оттуда и всех казанских привечает. Уж какие только дураки не приезжали, все позащищались. А потом тебя там никто спрашивать не будет. Но только учти, все кандидатки в аспирантки у них сначала домработницами работают.

– Как это?

– Просто. Диссертацию нужно выслужить. Вот и бегают Павловским по магазинам, полы моют, сапоги чистят да еще друг друга локтями отталкивают, чтобы лучше услужить. Подумаешь, годок грязь повыносят, зато потом кандидатская, считай, в кармане.

– А деньги?

– Альберт Владимирович открыто денег не берет, в основном услугами.

– Они что, не платят домработницам?

Алена расхохоталась.

– Дурочка. За что деньги-то давать? Девчонки сами помочь научному руководителю набиваются.

ГЛАВА 4

К Павловским меня пригласили в пятницу.

Уютный кирпичный дом на улице Косякова, домофон, лифтерша, ковровая дорожка на лестнице. Я робко позвонила в дверь и скромно потупилась на пороге, сжимая в руках три потрепанные гвоздики и дешевенькую коробочку конфет. Образ просительницы из Казани дался нелегко. Пришлось специально

покупать на вещевом рынке дешевый трикотажный костюмчик, на ноги нацепила жуткие баретки, в которых наша домработница Ирка ходит выбрасывать мусор. В ушах сережки из ближайшего ларька. Отполированный «Вольво» удачно спрятала в соседнем дворе. Можно было еще подушиться «Красной Москвой», но на такой ужас я не согласна даже ради торжества справедливости.

Обитая красной кожей дверь открылась не сразу. Кто-то рассматривал меня в глазок. Потом загремели замки, и на пороге появилась мило улыбающаяся пожилая женщина. Сначала я приняла ее за домработницу, но потом увидела бриллиантовые серьги в ушах и пару дорогих колец на ухоженных руках. Передо мной стояла сама Виолетта Сергеевна.

– Проходите, душенька, раздевайтесь. Наверное, устали, – ласково пропела женщина, указывая на нарядные велюровые тапочки.

Я скинула ужасные туфли, протянула профессорше дары.

– Какой букет! – умилилась та и крикнула: – Алик, посмотри, какие чудесные цветы принесла… Вас как зовут, милочка?

– Даша, – пролепетала я.

– Пойдемте, пойдемте, Дашенька, – обволакивала нежностью старушка, – не надо конфузиться. Альберт Владимирович не кусается.

Из просторной прихожей мы двинулись в холл. В глазах зарябило – повсюду бронза, хрусталь и зеркала. С потолка свисала пудовая люстра, вся в ужасающих подвесках. По стенам там и сям лепились жуткие картины в богатых позолоченных рамах. Мебель обита парчой. В углу торшер в виде негритенка с поднятой рукой. Весь пол устилает огромный серый ковер с кровавыми разводами. Я невольно попятилась, редко встретишь такое варварское великолепие.

Виолетта Сергеевна подумала, что при виде эдакой красоты бедная провинциалка сконфузилась окончательно, и подтолкнула меня в спину. Из двери в противоположном конце холла величаво выплыло светило экономики. Я закусила губу, чтобы не расхохотаться. Больше всего Альберт Владимирович

походил на индюшонка. Маленького роста, на коротеньких ножках и с толстым животиком. Он горделиво посмотрел на меня, словно проверяя, произвел ли нужное впечатление, и неожиданно скрипучим, совершенно не преподавательским голосом спросил:

– Вы от Решетниковой? Работу принесли? Алена говорила, что диссертация готова.

Накануне прозорливая Аленка вручила мне довольно объемистую папку со своей диссертацией, защищенной примерно десять лет тому назад.

– Он не догадается? – боязливо спросила я.

Алена замахала руками:

– Никогда, столько времени прошло, и потом, научным руководителем у меня был совершенно другой человек. Так, проглядит по диагонали, велит кое-что исправить. Павловскому главное, чтоб в библиографии все его труды помянули.

– Вдруг разговор заведет на научные темы!

Алена всплеснула руками:

– Прикинешься робкой до невозможности. Провинциалка из Тмутаракани да в гостях у академика, вот язык и отсох. Не волнуйся, насколько знаю Альберта, он сам станет перед тобой соловьем разливаться, обожает поучать и давать советы. От тебя требуется только одно: качай головой и вздыхай от восхищения. Впрочем, можешь вытащить блокнот и конспектировать нетленные высказывания.

Я протянула ученому работу. Альберт Владимирович повел «аспирантку» в кабинет. Да уж, там было на что посмотреть. От потолка до пола высились полки, забитые роскошными томами в кожаных переплетах с золотым тиснением, наверное, специально переплетать отдавали. Письменный стол – антикварный, красного дерева, на ножках в форме медвежьих лап. Со столешницей размером с небольшой аэродром. Тяжелые бархатные шторы, роскошная кожаная мебель, на полу настоящий туркменский ковер – похоже,

ручная работа. Стены украшало несколько совсем неплохих подлинников – Кустодиев, Репин, Левитан. В комнате сильно пахло деньгами. Здесь не скрывали богатства, не стеснялись его. Скорей выставляли напоказ, демонстрируя удачливость. Представляю, как подобный антураж действует на провинциальных теток.

Царственным жестом Альберт Владимирович указал на просторное велюровое кресло. Я попыталась скромно устроиться на краю, но предательски мягкое сиденье прогнулось, и зад утонул в подушке. Коленки задрались чуть ли не выше головы. Академик величаво устроился в вертящемся рабочем кресле, теперь он смотрел на меня сверху вниз. Бог мой, при таких чинах иметь комплекс неполноценности!..

Пухлой наманикюренной рукой светило вяло пролистало содержание папки, заглянуло в библиографию. Потом изрекло:

– Работы предстоит много, в таком виде, конечно, диссертация непригодна. Ни один московский совет не пропустит столь рыхлую работу.

«Уже пропустил, – подумала я, – десять лет тому назад, и ты дал на нее положительный отзыв».

– Но тема интересная, даже актуальная, – продолжал профессор.

Из его рта полились гладкие фразы. Каждое слово в отдельности понятно, но общий смысл ускользает. Вспомнив Аленины наставления, я вытащила блокнот и принялась с подобострастным видом чирикать ручкой. Экономист говорил и говорил, изредка останавливался, поглядывал на большое зеркало, стоящее на письменном столе, и продолжал мудрые речи. К исходу второго часа я хотела пить, курить и писать.

Помощь пришла от Виолетты Сергеевны. Дверь приоткрылась, и профессорша ласково пропела:

– Алик, ты совсем утомил бедную детку. Наверное, ей хочется кофейку.

Доктор наук захлопнул рот, как чемодан, и глянул на супругу. Виолетта поманила меня:

– Пойдемте, пойдемте на кухню.

Потом старушка повернулась к муженьку:

– Милый, пора собираться на заседание ВАК.

– Да, да, – закивал Альберт Владимирович, – что-то я слишком увлекся.

– Совсем себя не жалеешь, – вздохнула жена, – хочешь из каждой диссертации конфетку сделать. Кстати, на экспертном совете сегодня должны утверждать Карташову. Помнишь, какие гадости она говорила про тебя на собрании?

Профессор крякнул:

– Людям свойственна неблагодарность. Но я выше мелкой мести, а голосовать стану против просто потому, что работа отвратительная.

Виолетта удовлетворенно улыбнулась и поволокла меня на кухню. Даже у нашей Ирки нет такого количества электробытовых приборов! На столах и столиках почти двадцатиметровой кухни теснились: тостер, ростер, кофеварка, СВЧ-печка, мясорубка, вафельница, открывалки для банок, ломтерезка, комбайн, миксер… У окна высился гигантский четырехкамерный холодильник «Бош». Тут же помещалась и стиральная машина той же фирмы.

На огромном обеденном столе стояла тарелочка с двумя кусочками сыра. Рядом в изящной корзиночке лежало несколько тоненьких ломтиков хлеба.

– Садитесь, садитесь, милая, – ворковала Виолетта, – кофе или чай?

– Чай, пожалуйста.

Старушка взяла заварочный чайник и плеснула в чашку желтоватой заварки, потом щедро долила доверху кипятком. Поданный напиток Аркадий именует «моча молодого поросенка».

– Пейте, душенька, – радостно предложила профессорша, – чаек свежий, только вчера заваривали.

Я отхлебнула попахивающую веником жидкость и постаралась изобразить восторг. Виолетта Сергеевна села напротив и, оглядывая меня чуть блеклыми голубыми глазками, принялась расспрашивать. Скорей всего в молодости дама подрабатывала в КГБ, потому что интересовалась всем: возрастом, семейным положением, материальным достатком. Я решила рассказать «правду». Живу в Казани, преподаю в автодорожном техникуме. Мужа нет, детей тоже, зарабатываю очень хорошо, целых 400 рублей в месяц. Квартирка собственная, правда, маленькая. Всю жизнь посвящаю науке, преклоняюсь перед трудами Павловского и счастлива, что познакомилась с ним лично.

Виолетта Сергеевна удовлетворенно улыбнулась и пододвинула поближе тарелочку со слегка засохшим сыром.

– Кушайте, кушайте, в Москве просто невозможно пользоваться общепитом, страшно дорого. Кстати, где вы остановились?

– Алена Решетникова познакомила с дамой, которая сдает комнату. К сожалению, там нет телефона.

Профессорша покачала аккуратно уложенной головой:

– Плохо, вдруг срочно понадобитесь Альберту Владимировичу. Вот что. Вы ведь не торопитесь? Сейчас придет Настя, и я отдам вам ее пейджер.

Где-то через полчаса в кухню вошла молодая темноволосая женщина. Она поставила на пол две огромные сумки и устало произнесла:

– Вот. В прачечную не успеваю, поезд через два часа.

– Притомилась, душенька, – пропела Виолетта Сергеевна, – скоро отдохнешь. Езжай спокойненько домой. Альберт Владимирович разговаривал с ректором, дадут тебе ставку доцента.

Женщина кинулась на шею старушке. Та отступила на несколько шагов и пробормотала:

– Ладно, ладно, лучше не забывай профессора с праздниками поздравлять, а то он так расстраивается, когда аспирантки уезжают, и с концами. У Альберта Владимировича ранимая душа. Помни о нас, а мы тебя не забудем.

– Виолетта Сергеевна, родненькая, – принялась всхлипывать пришедшая, – после того, что вы для меня сделали…

– Ой, прекрати, – замахала руками профессорша, – лучше объясни Дашеньке, что такое пейджер, как он работает.

И она вышла из кухни.

Настя глянула на меня широко поставленными зелеными глазами и поинтересовалась:

– Диссертацию ваяешь?

Я кивнула.

– Чего молчишь, язык от впечатлений потеряла? Ты откуда?

– Из Казани.

– Да, – вздохнула предшественница, – не завидую тебе. Главное, помни: во всем угождай Виолетте и не вздумай хоть копейку из хозяйственных денег утаить. Тут не Алик главный, а она. Что скажет, то академик и делает. Не показывай ему никаких своих работ, будет спрашивать, говори – не привезла.

– Почему?

– Потому. Смотри преданно Алику в глаза и через фразу повторяй – «счастлива работать под руководством такого гения».

– Не слишком ли?

– В самый раз. У него самооценка высотой с Останкинскую телебашню. Бойся Светки – гадина жуткая. Димка ничего, только глупый очень, ну да он вязаться к тебе не станет. Валерке, зятю, сразу по зубам, как под юбку полезет, и пообещай Виолетте пожаловаться. Композитор ее боится как огня и сразу отвалит.

– Композитор?

– Ага, музыку сочиняет, только никто исполнять не хочет. Ты не вздумай понадеяться, что он с тобой трахнется и Светку бросит. А то тут была пара дурочек. Решили москвичками стать. Валерка неразборчив, как павиан, лишь бы дырка была, куда засунуть. Не тушуйся, годок помучаешься, зато диссертация в кармане, да еще работу подыщут. Слышала, мне доцента дают!

Настя сняла с пояса коричневую коробочку и принялась объяснять мне устройство пейджера.

Домой я ехала в легком обалдении. Сама много лет проработала в институте. Правда, у нас там не было птиц такого высокого полета, как Павловский. На весь коллектив три кандидата и один доктор наук. Но совершенно нормальные люди, без наполеоновских замашек. Вот, значит, как делаются диссертации! А я-то по наивности полагала, что дело только в хорошо написанной работе. Ну и ну.

Загнав «Вольво» в гараж, я тихо прокралась в холл – не хватало, чтобы кто-нибудь из детей встретил мать в таком виде. Но не успела я шмыгнуть на лестницу, как из гостиной вышел Аркадий:

– Мать, ты где шляешься?

Потом сынок оглядел меня с ног до головы и выпалил:

– Что это на тебе такое напялено? Где откопала эту красоту невиданную?

– Не нравится? – фальшиво расстроилась я. – Купила сегодня в бутике, говорят, последняя мода.

– Ты что задумала? – поинтересовался Кеша.

– Ничего!

– Мать, знаю тебя как облупленную. Или рассказываешь правду, или звоню Александру Михайловичу и говорю, что ты затеваешь таинственные переодевания.

Тяжелый вздох вырвался из моей груди, плохо иметь сына-шантажиста. И совершенно не хочется впутывать сюда Александра Михайловича. Он мой старый и верный друг. Познакомились мы много лет тому назад, когда я подрабатывала в Академии МВД: вбивала в милицейские головы начатки французской грамматики. Группа подобралась редкостная – через двадцать минут после начала занятий бравые лейтенанты начинали отчаянно зевать. Я решила разнообразить занятия и предложила:

– Вижу, вам скучно читать текст про Красную Шапочку, давайте займемся переводом того, что интересно.

Курсанты оживились.

– Давайте! – закричали они. – Нас страшно волнует тема «Описание трупа».

Я вздрогнула, но взяла предложенный листок и принялась подробно объяснять слова. Пока дело шло о глазах, ушах, почках, было ничего. Но тут вдруг я наткнулась на словосочетание «странгуляционная борозда» и вынуждена была признать поражение.

– Мальчики, у меня слово «борозда» ассоциируется только с пашней, а прилагательное даже по-русски не понимаю.

Сидящий на первой парте мужчина оживился:

– Сейчас объясню, все очень просто, вам понравится.

Он раскрыл портфель и высыпал на мой стол кучу фотографий жуткого трупа висельника с выпученными глазами и прикушенным языком. Никогда в своей

жизни не видела ничего страшней. На беду перед семинаром съела два пирожка с мясом, и не успел капитан охнуть, как они в переработанном, так сказать, виде шлепнулись на отвратительные снимки.

Курсанты кинулись ко мне и, собирая перемазанные фото, принялись ругать неловкого коллегу. На следующий день он пришел на занятия с букетом роз. С тех пор мы нежно дружим. У Александра Михайловича есть собачка – английский мопс Хуч. Это подарок французского коллеги – комиссара Жоржа Перье. Но приятель пропадает целыми днями на работе, бедный песик от тоски начал болеть, и мы взяли его к себе. Для русского уха имя Хуч звучит ужасно, поэтому Ольга назвала собачку Федором Ивановичем. Мопс согласно отзывается на обе клички, и мы обожаем его. Небольшое напряжение возникло, когда нанятая для близнецов няня привезла с собой в наш дом йоркширского терьера Жюли. Слегка апатичный Федор Иванович, большой любитель поесть и поспать, страшно оживился при виде миниатюрной терьерицы. Несколько дней он посвятил платоническим ухаживаниям, потом перешел к решительным действиям. В результате мы получили восемь штук мопсерьеров. Кое-как пристроили очаровательных в своем уродстве щенят и теперь пытаемся не допустить «повторного брака».

В наших идиллических отношениях с Александром Михайловичем существует одна, зато большая ложка дегтя. Он – сотрудник МВД, к тому же полковник. Несколько раз ему приходилось вытаскивать нас из неприятностей. В последний – когда похитители потребовали гигантский выкуп за украденную Марусю. Тогда полковник взял с меня честное слово никогда больше не заниматься частным сыском. Я поклялась самыми страшными клятвами. Но жить мне стало как-то скучно. Преподаю сейчас только четыре часа в неделю. Маня совсем выросла, а у близнецов есть няня. К тому же совершенно не собираюсь делать ничего противозаконного. Просто хочу посодействовать несчастному парнишке, оказавшемуся в большой беде. Кто поможет Роману, если не я? Ну не похож парень на преступника! И зачем Павловским, таким богатым и именитым, обвинять юношу в воровстве? Но если полковник узнает, тут же запретит разбираться в этом деле. А мне вчера приснилась умершая Катюша. Она посмотрела на меня в упор большими глазами и пробормотала: «Доверяю тебе Рому». В результате я проснулась в холодном поту.

– Мать, – продолжал настаивать Аркадий, – жду ответа!

Пришлось рассказать почти все. Кешка почесал кудрявую голову.

– Да уж, не повезло мальчишке. Хочешь, я посмотрю дело?

– Как ты его получишь?

– Очень просто. Оформишь меня в конторе как адвоката Романа, и я потребую дело для ознакомления.

– Но ведь родственников у Виноградова нет. Как же нанимать адвоката?

– Защитника может оплатить любой – в консультации не спрашивают, кем ты приходишься подзащитному. Миллион в кассу, и я твой. Надо же помочь бедняге, только давай все-таки сначала посмотрим материалы. Вдруг он тебе наврал?

ГЛАВА 5

Дело Кешка получил в пятницу. Не слишком толстая папочка, на изучение которой ему хватило трех часов. Перелистав обязательные бумаги, характеристики, справки, Аркашка наткнулся на допрос Светланы Павловской. Женщина расписала бедного Рому такими черными красками, что впору было вывести парнишку во двор и расстрелять на месте. Тут же лежали показания трех женщин – Жанны Соковой, Клары Мордвиновой и Виктории Пановой. Они лили на Рому грязь и рассказывали о бедственном материальном положении Павловской. Настораживал тот факт, что свидетельницы работали в лаборатории у Альберта Владимировича. Самым странным было то, что хозяина риэлторской конторы, Вячеслава Демьянова, который, по словам Романа, отдал сто тысяч Светлане, не допрашивали. Как будто такой человек вообще не упоминался в деле.

– Непостижимо, – ворчал Аркашка, – почему не нашли хозяина и не задали ему пару вопросов. Похоже, что следователь просто поторопился отдать дело в суд.

И еще одна неувязка. На судебном процессе проходил свидетелем Игорь, сын Светланы. Судья задал вопрос:

– Когда вы видели подсудимого в последний раз?

– В начале октября, – простодушно сообщил Игорь, – он пришел вместе со Славой.

– Каким Славой?

– Демьяновым, – сообщил Игорь, потом быстро поправился: – Простите, оговорился, со Славой Демченко, нашим бывшим одноклассником из 17-й школы.

Судья не обратила внимание на этот эпизод. Но Кешке он показался странным. Сын не поленился позвонить в 17-ю школу и узнал, что в классе, где учились Павловский и Виноградов, никогда не было школьника Славы Демченко.

В еще большее удивление повергло его решение следователя. Катюша официально просила изменить сыну меру пресечения с ареста на подписку о невыезде. У нее были на то все основания. Роман задерживался в первый раз, особо опасным не считался, мать даже готова была внести залог. Искандер Даудович отказал и мотивировал свое решение просто: Виноградов находился в бегах, не являлся по повесткам и, следовательно, может исчезнуть, не дождавшись суда. Это было совсем странно. Заявление в РУОП Светлана Павловская отнесла 26 октября, а 28-го Рома уже сидел в Бутырке. Никакие повестки за столь короткий срок просто не могли дойти, скорей всего их и не посылали. И потом, какая удивительная торопливость для официальных органов! Арестовали мальчишку утром, почти в кровати. Всегда считала, что, когда скрываются, не сидят дома, а уезжают куда-нибудь подальше. Здесь же «находящийся в бегах и не являющийся по повесткам» преспокойненько спал в собственной постели. Удивительно, что судья ничего не заметила. Может, наша Фемида не только слепая, но и глухая в придачу? А может, что-то заставило всех: следователя, судью и прокуроршу – ослепнуть и оглохнуть? И какая злобность: дать впервые оказавшемуся на скамье подсудимых парню семь лет! Аркадию вообще казалось, что это дело следовало рассматривать не в уголовном, а в административном порядке. В чем тут факт мошенничества? Больше похоже на не отданный долг. И самым чудесным образом от глаз «неподкупных и справедливых» ускользнул пикантный факт: Светлана Павловская просила продать квартиру, где был прописан еще один человек. То есть она втягивала парня в противозаконное дело и обещала хорошую награду. По меньшей мере, такое поведение истицы требовало частного определения суда в ее адрес. И опять – полная тишина.

Дело было сшито белыми нитками. Особо гадко выглядело заявление Павловских, написанное уже после процесса. Они возмущались легкостью наказания и требовали увеличить срок до 15 лет. Наверное, больше всего их устроила бы высшая мера.

Кешка пришел в полное негодование:

– Кто-то очень постарался, чтобы процесс прошел моментально, а наказание было максимальным. Похоже, парнишку просто подставили. Надо найти хозяина риэлторской конторы, Вячеслава Демьянова.

«И этих теток, свидетельниц», – подумала я.

– Все равно, мне кажется, что лучше рассказать полковнику, – пробормотал Аркашка, – пусть потребует дело на доследование.

– Миленький, – ласково сказала я, – Александр Михайлович так занят, зачем усложнять ему жизнь? Поверчусь у Павловских, вдруг узнаю что-то интересное? Потом все расскажем полковнику, обязательно.

– Ладно, – неожиданно согласился сын, – только ты там поаккуратней, похоже, дом Павловских – небезопасное место. Но ведь надо помочь бедному парню, не сидеть же ему семь лет за несовершенное преступление.

Первый звонок на пейджер поступил в субботу, около восьми утра. Терпеть не могу рано вставать, поэтому еле-еле продрала глаза и взглянула на экранчик. «Срочно позвоните. Павловская». Что там у них стряслось?

Трубку сняли сразу.

– Алло! – пропела Виолетта Сергеевна.

– Простите за столь ранний звонок, но только что пришло сообщение на пейджер…

– Дашенька, – обрадовалась профессорша, – как мило, что откликнулись. Видите ли, произошла небольшая неприятность. Светочка, наша дочь, заболела, а я не могу выйти из дому, давление поднялось. В такой ситуации раньше помогала Настя, но она вчера уехала домой. Не могли бы вы разок сходить нам за продуктами?

– Конечно, – согласилась я, – сейчас оденусь и приеду.

– Вы уж поторопитесь, душенька, на рынок лучше с утра ходить, пока все свеженькое.

Пришлось вылезать из уютной кроватки и превращаться в «казанскую» жалмерку.

Виолетта Сергеевна всучила гигантский список. Я принялась изучать листок: творог рыночный – 1 кг , мясо парное – 2 кг , шампиньоны – 2 кг , курага, орехи, изюм, форель слабосоленая, 200 г черной икры…

– Милая, – прощебетала старушка, – очень прошу, обязательно принесите домой чеки. Альберту Владимировичу они нужны для работы.

Я уставилась на нее во все глаза. Зачем академику чеки? Видя мое недоумение, Виолетта Сергеевна открыла ящичек и вытащила довольно толстую общую тетрадь, страницы которой делились на графы – число и месяц, что куплено, стоимость. Почти напротив каждой строчки виднелся кармашек с чеками.

– Альберт Владимирович пристально следит за ценообразованием, – пояснила Виолетта, – это его конек. Часто упоминает в статьях. У нас таких тетрадок – горы. Скажите, помните, сколько стоил литровый пакет молока в 1979 году?

Я покачала головой.

– Сейчас скажу, – заулыбалась старушка. Она порылась в тетрадках, вытащила одну, пролистала странички и объявила: – 32 копейки!

– Да, – протянула я, – но зачем же чеки? Можно просто записать стоимость!

– Деточка, – ужаснулась профессорша, – это же научные данные. Мало ли кто что напишет, а так имеется документальное подтверждение.

Взяв гигантские сумки, я побрела на рынок. К счастью, он был рядом, прямо за поворотом. Галдящая толпа, куча людей с сумками на колесах, поющие нищие и веселые торговцы. Нет, хорошо все-таки, что у нас за продуктами ходит Ирка! Затратив на покупки почти два часа и собрав, где можно, чеки, я приползла к Павловским. Тяжеленные сумищи колотили по ногам, руки грозились выскочить из плечевых суставов. Наконец почти неподъемная ноша оказалась возле холодильника «Бош». У плиты стояла невысокая рыженькая женщина.

– Знакомьтесь, – пропела Виолетта, – это Жанночка Сокова, наш добрый ангел. Просто не знаю, что бы мы без нее делали.

Жанна махнула поварешкой.

– Скажете тоже, подумаешь, ерунда, суп для Альберта Владимировича сварить! Разве трудность? Одно удовольствие.

И она принялась чистить картошку.

– Не устали? – заботливо спросила старушка, закладывая кульки в холодильник.

– Нет-нет, – поспешила я уверить ее.

– Тогда не в службу, а в дружбу: занесите Светочке обед, а то бедная так плохо себя чувствует.

Выяснилось, что дочь живет в соседнем доме, требовалось всего лишь перейти улицу. Нагруженная другими сумками, я позвонила в домофон.

– Да, – каркнул динамик, и дверь распахнулась. Подъезд рангом пониже, чем у Альберта Владимировича, ковра нет, но лифтерша сидит.

– К кому? – строго осведомилась она.

– К Светлане Павловской.

– А Настя где?

– Уехала домой.

– Теперь, значит, ты таскать будешь, – констатировала дама. – Как звать-то?

– Даша.

– Ну, господь с тобой, езжай на седьмой этаж.

В лифте было невыносимо душно, и кофточка прилипла к спине. Хорошо, наверное, выгляжу – потная, грязная, волосы растрепались. На пороге квартиры поджидала женщина. Больше всего она напоминала грушу: довольно узкие плечи, совсем маленькая голова и огромный зад.

– Несите на кухню, – распорядилась хозяйка командным голосом. Я проволокла ношу по довольно большой прихожей и оказалась в холле. Здесь, так же как у академика, повсюду виднелись бронза, хрусталь и зеркала. Около ярко-бордового дивана тихо журчал комнатный фонтанчик. Кухня выдержана в стиле «пейзан». Деревянные шкафчики, расписные доски и поделки из соломы. Я грохнула торбы на пол и без приглашения рухнула на резной стул. Ноги просто отказывались служить, руки дрожали, на верхней губе проступил пот.

Светлана нелюбезно глянула на меня.

– Как вас зовут?

– Даша.

– Очень мило, а я Светлана Альбертовна. Виолетта Сергеевна сказала, диссертацию пишете?

Я закивала головой. Дочь академика оглядела принесенное, потом позвонила по телефону.

– Мама, – сказала она недовольным голосом, – ты же знаешь, что Игорь не ест черную икру, только красную. Неужели трудно запомнить?

Потом повернулась ко мне и сказала:

– Виолетта Сергеевна просит вас зайти.

На подкашивающихся ногах я поплелась назад. Виолетта, мило улыбаясь, попросила:

– Душечка, вам все равно по дороге, сделайте милость, сдайте белье в прачечную. Настя вчера не успела.

И она показала на гигантский тюк. Пришлось брать узел и тянуть его через несколько кварталов, хорошо, хоть не было очереди. Квитанцию мне милостиво разрешили не приносить.

– Я такая неаккуратная, – вздохнула профессорша, – обязательно потеряю. Пусть лучше у вас лежит, когда время подойдет, получите белье.

Короче, освободилась я в районе обеда. Сначала быстренько переоделась на заднем сиденье «Вольво», а потом решила поехать к хозяину риэлторской конторы «Комфорт». В деле Ромы был адрес фирмы. Поплутав немного по кривым переулкам, я выехала прямо к нужному дому. Но маленькое двухэтажное здание украшала вывеска «Бюро путешествий «Альбатрос».

В просторном помещении скучали три девицы совершенно одинакового вида: длинные волосы, белозубые улыбки и супер-мини-юбки.

– Девочки, – заискивающе произнесла я, – а где контора «Комфорт»? – «Близнецы» пожали плечами. Они понятия не имели ни о какой фирме, торгующей недвижимостью. Да, кажется, полный облом.

– Погодите-ка, – внезапно оживилась одна девчонка, – помните, мент приходил из отделения? С ним тогда Вера Николаевна разговаривала. Вот она точно в курсе.

Горя желанием услужить, она выскочила из-за стола и привела в приемную небольшую полноватую старуху в синем халате. Та поглядела на меня и вздохнула:

– Зачем тебе «Комфорт»? Там одно жулье.

– Да взяли деньги за услуги, целых 500 тысяч неноминированными, обещали варианты подобрать и как в воду канули.

– Где же твои мозги были, когда такие деньжищи мошенникам отваливала? – посетовала уборщица. – Теперь не получишь ни копейки, они, как только хозяина ихнего убили, сразу свернулись и съехали. Думаешь, ты одна такая? Сюда человек двадцать в прошлом году пришло. Этих, – она махнула рукой на девчонок, – еще не было, другие сидели. Так им здорово из-за «Комфорта» досталось, один мужик даже в драку полез.

– Погодите, – прервала я старуху, – как хозяина убили?

– Очень просто, – сказала Вера Сергеевна, – отравили. Славка кофе на работе заварил, глотнул – и все, каюк.

– Вы знали Славу Демьянова?

– Конечно, соседствуем по лестничной клетке всю жизнь, он меня на работу и взял. «Альбатросу»-то я в наследство досталась.

– Почему решили, что Славу отравили?

– Милиция сообщила. Говорили, в кофе яд обнаружили: всех сотрудников допрашивали, пугали. Да только никого не нашли, кто хозяину отраву подсыпал. Жаль жену, совсем девчонка, с ребеночком осталась.

– Где она живет?

– Лизка? Рядом со мной, на Коноплева, в третьем доме.

Поблагодарив словоохотливую Веру Николаевну, я поехала к вдове Демьянова.

Лиза вправду походила на девочку. Тоненькая, коротко стриженная, с круглыми грустными глазами. Если бы не четырехлетний малыш, самозабвенно катающий по коридору самосвал, дала бы ей от силы семнадцать лет.

– Что вам нужно? – испуганно сказала женщина, впуская меня в коридор. – Если по поводу «Комфорта», то я ничего не знала о делах мужа и не отвечаю за них.

Я прикинулась удивленной:

– «Комфорт»? Я из отдела опеки, проверяем бытовые условия детей-сирот. Вам не нужно место в интернате?

– Нет, – покачала головой Лиза, – абсолютно не нужно.

– Все-таки надо поглядеть на детскую комнату и заполнить анкету.

– Какую? – изумилась женщина.

– Ваш ребенок стоит на учете, как потерявший отца. Если отказываетесь от интерната, заполним специальную бумагу, вынем ваш адрес из картотеки и отдадим место нуждающимся.

Вдова кивнула головой, и мы пошли в комнату. Похоже, что Слава успел хорошо обеспечить семью. Детская буквально ломилась от дорогостоящих игрушек: конструкторы «Лего», радиоуправляемые машины, гора мягких игрушек. Новехонькая мебель светлого дерева и кроватка, застеленная миленьким пледом с героями диснеевских мультиков. Ольга совсем недавно купила такие для близнецов, и я знала, сколько они стоят.

Лиза села в большое кресло, я устроилась за письменным столом, вытащила из сумки блокнот и с серьезным видом спросила:

– Фамилия, имя, отчество и год рождения.

– Елизавета Константиновна Демьянова, 1972 года рождения.

Надо же, Аркашкина ровесница. Я записала все старательно на листке и, придав голосу сочувственный тон, поинтересовалась:

– Супруг-то отчего скончался? Небось на автомобиле гонял?

– Что вы, – вздохнула молодая вдова, – Славик аккуратно ездил, все правила соблюдал. Его отравили конкуренты.

– Как? – изобразила я полное удивление. – Как отравили?

– Да, – подтвердила Лиза. – Муж организовал риэлторскую контору, работал честно, не то что другие. Это, конечно, многим не нравилось. Как же, все торговцы недвижимостью в говне, а он в белом фраке. И потом, на рынке жилья сразу разнесся слух, что Демьянов абсолютно не криминальный человек, ну клиенты и повалили. На мужа несколько раз наезжали «братки», но он отбился, и нас вроде оставили в покое. Год тому назад, перед майскими праздниками, он задержался на работе. Ждала его до часа ночи, стала волноваться, тут как раз из милиции и позвонили.

Оказывается, где-то часов в восемь к Славе пришли сразу три посетителя: двое мужчин и одна женщина. Всех угощали кофе. Последней уходила женщина, она закрыла дверь и сказала секретарше:

– Господин Демьянов просил вас его не беспокоить.

Девушка покорно прождала до десяти вечера. Ее не удивило, что в столь поздний час Слава не покидает контору. Когда намечалась выгодная сделка, хозяин мог и до полуночи задержаться, но в 22.00 он все же отпускал Людочку домой.

В четверть одиннадцатого Люда робко постучалась в кабинет, потом, не дождавшись приглашения, заглянула внутрь. Хозяина не было. Удивленная секретарша вошла в кабинет и обнаружила Славу лежащим на полу позади письменного стола. Мужчина уже начал коченеть. Девушка вызвала «Скорую помощь», но медики только развели руками и сообщили в милицию.

Прибывшие сотрудники уголовного розыска оказались оперативными и знающими профессионалами. Они взяли на анализ оставшуюся в чашках кофейную гущу и к обеду следующего дня, после вскрытия тела, точно знали, что Демьянов принял огромную дозу дигоксина. Вообще-то, довольно хорошего сердечного средства, если только употреблять его микродозами, а не стаканами.

Больше всего досталось бедной Людочке, ведь это она варила и подавала злополучный кофе. Но секретарша упорно твердила, что приготовила три порции. Две выпили мужчины, а третью – мило улыбающаяся женщина.

– Конкуренты киллершу наняли, – вздыхала Лиза, – очень кому-то удачный бизнес мужа поперек горла встал. Как раз за два дня до смерти Славик пришел и радостно так говорит: «Ну, котик, дельце сегодня провернул, просто блеск, в четверг деньги получу». В четверг его и убили.

Я поинтересовалась невзначай, где живет секретарша Людочка, и откланялась.

Домой прикатила часам к пяти. Не успела войти, как Зайка сообщила, что звонил какой-то мужчина, назвался капитаном Евдокимовым и просил приехать завтра в девять утра в отделение милиции на Шальневской улице. Интересно, мне что, теперь совсем спать не дадут?

ГЛАВА 6

Капитан Евдокимов оказался потрепанным мужчинкой неопределенного возраста. В глазах бравого сыскного волка сквозила тоска, ему до смерти, очевидно, надоела работа, не приносящая ни денег, ни славы. Поддернув рукава довольно потрепанного свитера, он вздохнул и начал оформлять допрос свидетельницы. Но я не могла сообщить ему ничего интересного. Просто видела, что укол сделала другая медсестра, не Галя.

– Отчего решили, что вошедшая не Величко?

Сообразив, что это фамилия Гали, я ответила:

– Процедурная медсестра маленького роста, щупленькая, а вошла полная, высокая женщина.

Евдокимов вздохнул:

– Величко покрываете!

Я обозлилась:

– Даже не собираюсь, поскольку здесь она ни при чем.

И тут затрещал пейджер. На экранчике высветилось: «Срочно позвоните. Павловская». Я вытащила мобильный.

– Деточка, – возрадовалась Виолетта, – как вы аккуратны, сразу перезваниваете. А у нас, знаете ли, просто аврал. Давление у меня совсем зашкалило, в квартире грязь, пух уже полетел. Помогите, пожалуйста. Настенька-то, наша палочка-выручалочка, ведь уехала.

Я пообещала приехать через час, захлопнула крышечку сотового и уставилась на Евдокимова. Капитан махнул рукой.

– Езжайте по своим делам. Позову, если понадобитесь.

– Скажите, от чего умерла Катюша?

Милиционер закурил необычайно вонючую сигарету и сообщил:

– Вот вы покрываете Галину Величко, а она ввела в вену Виноградовой дигоксин. Может, и без злого умысла, просто перепутала препараты, но женщина-то скончалась, и манипуляции медсестры попадают под действие Уголовного кодекса.

– Кто будет хоронить Катюшу?

Евдокимов пожал плечами.

– Скорей всего за счет государства, в общей могиле зароют. Родственников никого, сын на зоне отбывает.

Я содрогнулась: «Бедная женщина!..»

– А можно мне забрать тело?

– Только родственникам, – твердо сказал капитан.

– Послушайте, – попробовала я разжалобить стража порядка, – что будет плохого, если несчастная получит могилу? Сын освободится, даже поплакать негде.

– Сыночек у нее уголовник, – отрезал Евдокимов, – такие не очень-то по матерям убиваются. Небось рад до смерти, что ему квартира досталась. Только зря ликует, может без жилплощади остаться. Ему еще пять лет баланду хлебать, коммунальные услуги кто платить будет? Вот если бы хоть какие родственники были, а так РЭУ за неуплату арест наложит.

Я поглядела на довольно ухмыляющегося капитана и достала из кошелька хорошенькую стодолларовую купюру. Евдокимов уставился на портрет Франклина и грозно спросил:

– Взятку предлагаете?

– Да, – сказала я нагло, – а если договоритесь, чтобы мне отдали тело Виноградовой, получите еще столько же.

Капитан ловко спрятал бумажку в ящик письменного стола и перешел со мной на «ты»:

– Дай номер мобильника и езжай по делам. Как только обстряпаю, сразу звякну. Да подкинь еще пятьдесят баксов, надо ребятам из другого отдела заплатить, чтобы глаза закрыли на отсутствие родственников.

– Сделаете дело, получите сто пятьдесят долларов, – заверила я его и отбыла к Павловским.

Виолетта Сергеевна вкушала на кухне кофе со сгущенкой. Страшная диета при повышенном давлении. К тому же в вазочке перед ней стояли шоколадные конфеты. Профессорша явно была сластеной.

Мне вручили тряпку, швабру, пылесос и велели убирать квартиру. Начинать полагалось со спальни. Я втащила гигантский моющий агрегат в комнату и онемела. Одна стена представляла собой гигантский шкаф. Две других от пола до потолка занимали полки с фарфоровыми статуэтками. Перемыть их – жизни не хватит. Я пошла к Виолетте за советом.

– Какая вы добросовестная, душенька, – умилилась больная, подливая себе кофеек. – Настенька никогда не вспоминала о фигурках, пока носом не ткнешь. Сегодня чистить коллекцию не надо. Делаем это только раз в месяц. Просто помойте полы и смахните пыль, где найдете.

Я принялась за уборку. Гигантские апартаменты казались бесконечными: пять комнат, два туалета, просторная ванная и кладовка. Кабинет убирали последним.

Я аккуратно приоткрыла дверь и обнаружила у письменного стола самого Альберта Владимировича.

Академик недовольно вздохнул, выключил компьютер и произнес:

– Что-то хотели спросить? Извините, сейчас некогда, срочная работа.

Я ухмыльнулась про себя, потому что краем глаза успела увидеть, что он играет с машиной в карты, но вслух, конечно, пробормотала совсем другое:

– Виолетта Сергеевна просила квартиру убрать!

– Хорошо, хорошо, – процедил профессор, – пока пыль протрите, а как до полов дойдет, я выйду.

И он уткнулся в какую-то рукопись. Минут через десять я робко приблизилась к царственному телу и увидела, что Альберт пытается прочитать статью из французского журнала «Экономревю». Судя по количеству словарей, дело шло с

трудом. Мои глаза побежали по строчкам, а язык машинально произнес по-русски: «предлагаемое исследование претендует…»

Профессор с удивлением глянул в мою сторону, потом спросил:

– Знаете французский?

– Немного.

– Прекрасно, ну-ка прочтите, – и он сунул мне журнал.

Я принялась покорно переводить. Минуту академик молча слушал, потом оборвал:

– Вот и чудесненько. Возьмете домой и к завтрашнему вечеру принесете готовый перевод.

В статье было двадцать четыре страницы, для меня – это ерунда. Но почему профессор считает, что я владею языком в совершенстве? И как можно давать такие гигантские задания на один день? Он полагает, что я всю ночь буду корпеть над переводом?

Со статьей под мышкой вернулась в кухню. Виолетты не было, а вчерашняя рыжеволосая женщина готовила мясо. Судя по запаху, в горшочке тушилась баранина.

– Устала? – неожиданно ласково поинтересовалась Жанна.

– Жуть, – сообщила я и шлепнулась на стул, – такая квартира огромная, просто бесконечная.

Жанна улыбнулась.

– Да уж. Сейчас разложу обед по банкам, и надо его Светке оттащить.

– Чем же она заболела? Вроде вчера видела ее, здоровой показалась.

Женщина тихонько захихикала.

– Светочка такая болезненная, чуть что – подушку под голову и на бок. А Виолетта ее обожает просто до невероятности. Вот та и пользуется. По-моему, Светка обычная лентяйка, ничего не умеет: ни готовить, ни убирать. А уж работает, слов нет…

Жанна махнула рукой и открыла горшочек. Восхитительный запах вкусного мяса разлетелся по кухне, и мой желудок незамедлительно заурчал. Я глянула на часы – ровно пять, а завтракала сегодня рано, около восьми. Но у Павловских, похоже, не собираются кормить меня обедом. Сокова тем временем положила баранину в большую керамическую банку и вышла из кухни. Я облокотилась на стол и зевнула, никогда так не уставала!

И тут в кухню вошел совершенно невероятный мужчина. Высотой он был с нашего мопса Хуча, объем талии совпадал с ростом. Чудовищный колышущийся живот подрагивал при каждом шаге коротеньких жирных ножек. Маленькие ручки нервно крутили бороду. Волосы на голове стояли дыбом и выглядели сальными и неопрятными. Картофелеобразный нос прятался между лоснящимися красными щеками. Узенькие карие глазки торчали на лице, как изюминки в творожной массе. Не говоря ни слова, мужик подошел к банке, схватил ложку и принялся есть, нет, пожирать мясо. Куски были горячими, поэтому он изо всех сил дул на еду. Капли жирной подливки разлетались в разные стороны, большая их часть осела на довольно грязном свитере обжоры. В два счета банка опустела. Мужик вытер тыльной стороной ладони блестевшие губы, перевел на меня осоловелый взгляд, потом открыл холодильник и принялся рыться на полках.

– Дима, – закричала вернувшаяся Жанна, – ты зачем съел все мясо?

Парень громко рыгнул и ответил неожиданно тонким голоском кастрата:

– Кушать хотел.

– Нельзя столько есть, – внятно произнесла Жанна, – опять в Институт питания положат. Хочешь в больницу?

Парень испуганно затряс головой и откусил кусок банана.

Сокова вздохнула и переменила тему:

– Дима, это Даша, новая аспирантка Альберта Владимировича.

Обжора придвинулся ко мне, протянул ручку и пробормотал:

– Очень рад.

Я брезгливо взяла липкую, потную ладошку и прощебетала:

– Приятно познакомиться.

– Дима, – раздался за спиной звонкий молодой голос, – сейчас же положи банан.

Я машинально оглянулась. На пороге кухни стояла прехорошенькая блондиночка. Маленькое треугольное личико обрамляли легкие кудрявые волосы. Фарфорово-нежная кожа делала ее похожей на ангела. Впечатление портили глаза. У молоденькой девочки был взгляд изрядно пожившей, прожженной бабы: тяжелый, неподвижный и злобный.

Дима моментально отложил запретный фрукт и зачирикал:

– Не сердись, котеночек, просто перекусил.

– «Просто перекусил»! – передразнил котеночек. – Иди в спальню, мама зовет.

Парень покорно понес слоновье тело в коридор. Девица соизволила заметить нас и процедила сквозь зубы:

– Жанна, Виолетта Сергеевна просила передать, что гости придут к восьми.

Потом резко повернулась на каблуках и ушла. Жанна вздохнула:

– Видала! Вот уж фурия!

– Кто это?

– Марго, Димина жена. Только не думай, пожалуйста, что благородных кровей. Она на самом деле из Зажопинска в Московской области. Учится на четвертом курсе в институте, где Дима преподает.

– Дима преподает?

– Ага. Экономику, он у нас кандидат наук. Так вот Ритке, ее на самом деле Маргарита Ковалева зовут, очень хотелось в Москве остаться, а Альберт Владимирович мечтал женить Диму. Вот девчонке и подфартило – теперь она Марго Павловская, место в аспирантуре, кандидатская и хорошая работа обеспечены. Представляешь, каково с таким бегемотом в постели, у него небось одно место из-под живота не высовывается, вот она и злится. Всех одергивает, нос задирает, как же – из грязи в князи.

Она внезапно замолчала – в кухню вошла Виолетта Сергеевна.

– Деточка, – умилилась старушка, – вы еще здесь. Надо отдохнуть, отнесите Светочке обед и сразу домой, на диванчик, с книжечкой, уж я-то знаю, как трудно эту квартиру убирать. Просто страдаю от такого количества комнат. И зачем нам столько? Давно прошу Альберта Владимировича разменять, очень тяжело содержать в порядке.

– Почему же не уедете в другую, поменьше? – притворилась я идиоткой.

Виолетта вздохнула:

– Как-нибудь, душенька, расскажу вам, в какую неприятную историю попала Светочка, когда решила продать свою квартиру! Спасибо, друзья помогли. Жанночка, например, на суде выступала, столько нервов себе испортила. Они с Кларочкой тогда просто здоровья не пожалели, милые девочки.

Профессорша стала накладывать в банку новую порцию мяса, она отвернулась к плите и загремела крышками. «Милая девочка» глянула на спину старушки с такой ненавистью, что казалось, нарядная блузка Виолетты сейчас загорится.

Я тащила две огромные сумки к смертельно больной Свете и размышляла. Профессорша упомянула, что на суде им помогли Жанна и Клара, но, насколько помню, с их стороны выступали три женщины. Почему она ничего не сказала о Виктории Пановой, кстати, тоже сотруднице института Павловского?

Сегодня у Светы дверь открыл мужчина. Он галантно снял с меня потрепанную куртку, подхватил свинцовые торбы и легко внес их на кухню.

– Кофе хотите? – спросил он.

– С удовольствием, – обрадовалась я.

– А бутербродик с колбаской?

Я была согласна на все. Ловкими артистическими движениями хозяин открыл холодильник, вытащил салями и в два счета соорудил чудесные сандвичи. Обычно мужчины режут хлеб толстыми ломтями, а сверху наваливают не менее толстые куски колбасы. Но передо мной на тарелочке лежали не бутерброды, а произведения искусства – тоненькие кругляшки батона, папиросно наструганная салями, сверху – аккуратные дольки соленого огурца, помидора и веточка петрушки. Кофе превзошел все ожидания – крепкий, вкусный, настоящий мокко.

– Ну, – заулыбался мужчина, – будем знакомы: Валерий Фокин, муж Светланы Альбертовны. Значит, теперь вы у Павловских в рабах служите? Просто удивительно, где они только находят таких красивых аспиранток?

– Рада помочь Виолетте Сергеевне, – парировала я.

Валерий взглянул на меня повнимательней и расхохотался.

– Конечно, конечно. Вы не только красавица, но еще и добрый, интеллигентный человек. Но не волнуйтесь, тесть всегда держит данное слово, если не злить его, конечно. Годик побегаете с сумками, зато потом какие перспективы: кандидатская, хорошая работа, почет и уважение. Сами откуда?

– Из Казани.

– Прекрасно, там у Алика все схвачено. Устроит потом в университет, главное, не забывайте академика со всеми праздниками поздравлять, злопамятен, как слон.

Я молча пила кофе, жалея, что в целях конспирации оставила любимые «Голуаз» в машине. Валера истолковал мое молчание по-своему и хмыкнул:

– Вам нечего меня стесняться. Сам продался Павловским с потрохами за сладкую косточку, вот теперь и мучаюсь. Светлана жена аховая, а уйти боюсь. Альберт Владимирович только пальцем шевельнет, и от меня мокрое место останется. Так что мы с вами товарищи по несчастью, только вам лучше: оттарабаните год, и домой, а у меня бессрочная каторга. Никому, абсолютно никому не нужен, у Светки уже давно другой мужик есть, но Альберт Владимирович противник разводов. Так и живем.

Он картинно вздохнул и откинул со лба есенинскую прядь волос. Я глядела на него во все глаза. Замуж выходила четыре раза, и в моей жизни побывали почти все основные категории мужчин: бабник, алкоголик, хам, лентяй. Настоящий семьянин, крепкое плечо не попался ни разу. Ну не повезло. Речи о тяжелой семейной жизни, об одиночестве и непонятости пел своим подружкам мой первый супруг Костик. Каких только пороков он во мне ни находил: больная, старая, злая, ворчливая… И главное, все правда. В первом браке мучили мигрени, да и была я старше Костика на целых полгода. Непонятным оставалось одно: зачем надо было жить со мной целых три года?

Валера подсел поближе. Но тут хлопнула дверь. Ловелас отскочил в противоположный угол. Через пару минут в кухню тяжелым шагом вошла супруга. Ох, не надо ей носить обтягивающие джинсы. Лучше всего платье «татьянка», фасон для беременных, потому что в дорогих «Levi's» Светочка выглядела устрашающе. В профиль казалось, что по ней проехал паровой каток: гигантские бедра и огромная плоская попа. Большая грудь, обтянутая эластичной сиреневой водолазкой, навевала воспоминания о воздушных шарах, по бокам выпирали крупные валики жира.

Светочка окинула строгим взором кофейные чашки, недоеденные бутерброды и тоненьким голосом прошипела:

– Дорогой, ты помнишь о встрече с Рукавишниковым?

Валера хлопнул себя ладонью по лбу и вышел из кухни.

Света поглядела на меня взглядом гюрзы, и я невольно поежилась.

– Отдохнули? Спасибо за помощь.

Она довела меня до входной двери, буравя глазками-щелочками. Наверное, хотела предложить вывернуть карманы, но в последнюю минуту передумала.

Оказавшись в «Вольво», я сразу ухватилась за сигареты, и тут затрезвонил телефон.

– Ну чего целый день трубку не снимаешь? – недовольно процедил капитан Евдокимов. – Заждался уже, давай дуй ко мне да прихвати все с собой.

Переодевшись, я отправилась в отделение милиции.

– Договорился, – довольно сообщил капитан, – отдадут тебе Виноградову. Будешь бумаги заполнять, напишешь, что являешься двоюродной сестрой.

Он радостно схватил зеленые бумажки и сунул их в карман.

– Когда можно взять тело?

– Сообщим, пока точно не знаю.

– Так от чего, говорите, умерла Катя?

Капитан закурил и сообщил:

– Иди домой, не твоего ума дело.

Я опять демонстративно вынула кошелек, и следующая купюра перекочевала в капитанский карман. В благодарность получила листочек с названием – дигоксин. Именно так назывался препарат, попавший из капельницы в кровь Катюши.

Домой приползла ни жива ни мертва и рухнула на диван в гостиной. По телевизору шла какая-то дурацкая передача, и я тупо слушала, как солидные дамы бальзаковского возраста рассказывали о семейных проблемах. Всегда казалось, что неприятности лучше переживать молча, а не кричать о них на всю страну.

ГЛАВА 7

Утром с опаской поглядела на пейджер. Надо же, уже десять, а противная пищалка молчит, ну и слава богу. Растрепанная, в халате, я сползла в столовую, налила себе пол-литровую чашечку кофе и принялась звонить Сереже Михалеву. Сережка работает хирургом в больнице, и застать его в кабинете практически невозможно, но мне повезло.

– Серенький, – заныла я в трубку, – что такое дигоксин?

– Кто прописал? – грозно спросил приятель.

– Кардиолог.

– Почки проверяла?

– Зачем?

– Вот что, – поинтересовался Сережка, – ты сама у него была?

– Это не мне, ну скажи, можно отравиться до смерти дигоксином?

– Дигоксин – препарат из группы сердечных гликозидов. Требует особой аккуратности при применении. Вводить его следует очень медленно. Если зашарашить за секунду, пациент может умереть. К тому же вдруг у тебя больные почки или выпила, предположим, рюмашку-другую, тоже возможен летальный исход.

– А от какого количества этого лекарства можно умереть?

– Суточная норма не должна превышать 1,5 мг.

– Он в таблетках или ампулах?

– Всякий есть, а что?

– Горький?

– Ну, немного, но можно же проглотить, не жуя. Да зачем тебе все это?

– Потом объясню, – отмахнулась я. – Дигоксин трудно достать?

– Нет, бери рецепт и покупай.

– А без рецепта?

– По идее, не должны давать, а там, как попросишь. Во всяком случае, он не входит в список А.

Поблагодарив приятеля, я решила поехать на квартиру к Катюше за расчетной книжкой по квартплате. По дороге решила провести эксперимент и зарулила в аптеку.

Молоденькая провизорша, услышав просьбу, категорично сказала:

– Только по рецепту.

– Девушка, – заканючила я, – потеряла его, свекровь теперь убьет, если не привезу, ну пожалуйста, очень прошу.

Аптекарша вздохнула, открыла маленький ящичек и бросила на прилавок коробочку.

– Платите в кассу.

В машине я разглядела добычу. Вот как просто! Раз, и отрава в руках, наверное, ампулы тоже легко получить.

Дверь Катюшиной квартиры открывала как свою. Книжка нашлась в первом ящике письменного стола. Так, оплачено по май. В ближайшей сберкассе внесла плату за три месяца вперед, оплатила телефон и призадумалась. Все равно до РЭУ дойдет, что в квартире никто не живет. Соседи будут судачить, куда Катя девалась. Наведут справки в милиции, узнают, что она умерла, и подселят в квартиру кого-нибудь. Незаконно, конечно, но бедному Ромке придется попотеть, чтобы вернуть «распашонку».

Я приехала домой и позвонила Сонечке Марковой. У нее не так давно женился сын, и Сонька отчаянно не ладила с невесткой.

– Сонюшка, как дела?

Подруга вздохнула:

– Ужасно. Теперь готовим порознь. У них свой обед, у меня свой. Просто коммуналка. И вот ведь беда: ни разменять, ни продать нашу халупу нельзя.

– Знаешь, есть небольшая квартирка. Хозяева уехали на несколько лет. Сдавать не хотят, но боятся, что в их отсутствие пожар может случиться. В общем, попросили найти приличную пару, которая поживет абсолютно бесплатно до их возвращения. Если кто из РЭУ станет интересоваться, надо представляться родственниками. Ну да я подробно объясню, если твои заинтересуются. Правда, предупреждаю сразу, комнат всего две и кухня размером с табакерку.

– Какое счастье! – закричала Соня. – Дашенька, спасительница, сегодня же пришлю к тебе моих оккупантов на инструктаж. Главное, никому больше не предлагай, мы совершенно точно подходим.

Посчитав проблему решенной, я хотела спокойненько почитать, но тут запикал пейджер. Требовалось срочно связаться с Павловскими.

На этот раз трубку взял сам Альберт Владимирович.

– Вы перевели статью?

О черт, совершенно забыла.

– Да, конечно, только отпечатать не знаю где, а почерк у меня очень неразборчивый.

Профессор помолчал немного, потом заявил:

– Приезжайте ко мне в лабораторию, продиктуете девочкам прямо на компьютер.

Он подробно объяснил дорогу, сообщив, что лучше ехать до метро «Спортивная». Я так и поступила. Запарковала «Вольво» недалеко от станции и пешком преодолела пару переулков. Погода стояла прекрасная – двадцать градусов тепла, легкий, приятный ветерок, ласкающий лицо. Прохожие одеты совсем по-летнему. Мужчины в светлых пиджаках, женщины в ярких платьях и костюмах. Молодые пары шли в обнимку, смеялись. Казалось, все счастливы и довольны. Только бедный Ромка мотал срок да непохороненная Катюша мерзла в милицейском морге. Почувствовав, что «пепел Клааса стучит в моем сердце», я ускорила шаг.

Альберт Владимирович вызвал в кабинет прехорошенькую женщину, просто куколку.

– Идите с Зоей и продиктуйте перевод.

Куколка радостно заулыбалась.

– Сейчас все быстренько сделаем, Альберт Владимирович, не волнуйтесь. А вы вот не пообедали, меня Виолетта Сергеевна ругать будет, что плохо за вами слежу.

– Ладно, ладно, – замахал руками академик, – ступай, заботница.

– Там двадцать четыре страницы, – предупредила я Зою, когда она выдвинула клавиатуру.

– Это нам ерунда, – усмехнулась та и принялась барабанить по клавишам. Никогда не видела, чтобы человек с такой скоростью печатал на компьютере. Тоненькие пальчики Зои мелькали, словно крылья бабочки. Не успевала я продиктовать фразу, как сказанное тут же возникало на экране. Через полтора часа мы решили сделать перерыв и довольные друг другом принялись пить кофе.

– Здорово французским владеете, – сделала мне комплимент Зоя, – первый раз вижу, чтобы человек без словаря, прямо с листа переводил.

– Никогда не встречала такой скорости при наборе, – не осталась я в долгу.

Зоя улыбнулась.

– Диссертацию пишете?

– Да, вот Альберту Владимировичу принесла работу, а вы в лаборатории трудитесь?

– Старшим научным, – уточнила женщина, наверное, для того, чтобы я не сочла ее простой машинисткой.

– Вчера у Альберта Владимировича дома встретила Жанну Сокову, вашу коллегу.

– Жанночка у них часто бывает, – завистливо вздохнула Зоя. – Виолетта Сергеевна ее любит. Ну да и Жанка, надо заметить, платит тем же, готова в благодарность полы языком мыть.

– За что она так благодарна?

Зоя налила себе еще одну чашку кофе и принялась сплетничать:

– Альберт Владимирович замечательный человек, страшно добрый, всем помогает. Жанка вместе с его дочерью училась, в одной группе, вот он ее и пригрел. Между нами говоря, ума у Соковой не слишком много, диссертация серенькая получилась. Но кто об этом помнит, а звание кандидата наук на всю

жизнь при ней.

Потом неожиданно муж Соковой погиб в автокатастрофе. Бедняжка осталась одна с сыном. Академик тотчас взял вдову на работу к себе в лабораторию, выбил в министерстве специальную ставку. Поговаривали, что они с Виолеттой несколько лет кормили Жанну и мальчишку. Это невозможно проверить, но то, что Коля Соков почти каждое лето проводил у них на даче, – знали все. Уже хватило бы, чтобы проникнуться к Павловским вечной благодарностью. Но тут Коленька провалил вступительные экзамены, и перед мальчишкой замаячил призрак армейской службы. Виолетта Сергеевна ловко устроила судьбу неудавшегося студента. Его призвали, но службу Николаша проходил в Центральном театре Советской Армии, в так называемой команде. Пятнадцать солдат таскали декорации, мыли здание и участвовали в спектаклях. Когда Коле поручили сказать на сцене: «Ваш сундук прибыл», в зале сидели все знакомые Жанны и Виолетта Сергеевна с букетом. Службой подобное времяпрепровождение можно назвать с натяжкой, тем более что ночевали солдатики дома, а в театр являлись, как на работу: к девяти. Да еще у Коли обнаружился самый настоящий талант, его ввели во многие спектакли. Отслужив положенные два года, юноша без проблем поступил в ГИТИС и сейчас активно снимается в разных фильмах. А все благодаря Виолетте Сергеевне.

Я вздохнула:

– Понятно теперь, почему Жанна готовит обед у Павловских.

Зоя насторожилась:

– Вам тут начнут наговаривать, что Виолетта сделала из Жанны домработницу! Не верьте, просто многие завидуют женщине, которая так тесно связана с семьей Павловских. Кое-кто и хотел бы поработать у них, да не зовут! Люди знаете какие злобные! Вот Вика Панова, например, уж сколько ей Альберт Владимирович доброго сделал! Страшно перечислить! Диссертацию, само собой, за москвича замуж выдал, на работу устроил… И что? Облила его грязью с головы до ног, негодяйка! Конечно, пришлось уволиться, только ничего хорошего из этого не вышло. Преподает теперь в какой-то школе дикий предмет ОБЖ, говорят, пьет сильно. А Жанночка и Клара девочки благодарные.

– А Клара кто?

– Мордвинова, тоже наша сотрудница. Тут своя история. У Жанны-то родители самые простые: отец шофер, мать – парикмахер. Вика, негодяйка, вообще не москвичка, сомневаюсь, чтобы ее предки даже читать умели. А Клара из профессорской семьи. И папа и мама у нее доктора наук, филологи, но вот беда, Клара родилась с дефектом лица – заячья губа. Конечно, сделали несколько операций, но, увы, – на лице остались жуткие шрамы, и речь у женщины не слишком внятная.

Родители пристроили девочку на экономический факультет. Та отлично училась, а что еще оставалось делать студентке, на лицо которой без слез не взглянешь? Потом аспирантура у Павловского, теплое местечко у него в лаборатории, но никакой семейной жизни. Бедная Клара и не рассчитывала никогда выйти замуж, но тут опять вмешалась Виолетта Сергеевна. В то время у Альберта Владимировича случился мальчик-аспирант из Тамбова. Очень талантливый и перспективный, но без московской прописки. Вот Виолетта и сочла, что из Клары и Сени выйдет чудесная пара. Надо заметить, Семен был хорош собой и по нему сохла добрая половина аспиранток. Помани он пальцем, любая побежит в загс, роняя тапки. Но все обожательницы, как одна, провинциалки, то есть бесперспективные невесты. Сказано – сделано. Сначала пригласили Клару и Семена на дачу провести майские праздники, потом поручили им совместное исследование… А жарким июльским вечером Виолетта попросила аспирантов съездить за город, проверить замки. Якобы позвонили соседи и сказали, что дача открыта. Извиняясь, Виолетта вручила молодым людям ключи и сумочку с продуктами.

«Покушаете, когда приедете», – ласково сказала она. Внутри обнаружилась не только закуска, но и бутылочка хорошего коньяка. Короче говоря, в декабре играли шумную свадьбу, а у невесты из-под просторного платья выпирал тугой животик.

Следует отдать должное Виолетте Сергеевне, сваха она оказалась прекрасная. Клара и Сеня нажили в браке троих детей и живут до сих пор душа в душу. Конечно, Кларочка не ходит убирать у Павловских квартиру, но безотказно помогает Альберту Владимировичу в работе, безропотно собирая материал для статей.

– А Вика? – поинтересовалась я.

– Даже не хочется о ней говорить, – отрезала Зоя, и мы снова приклеились к компьютеру.

Перед уходом домой я спустилась на первый этаж и пошла искать отдел кадров. За железной дверью в самом конце коридора сидел мужчина, по виду полковник-отставник.

– Разрешите войти?

Бывшему военному понравилось обращение по уставу, и он милостиво кивнул головой. Я двинулась в крохотную комнатку и с удовлетворением отметила, что на столе стоит компьютер. Полковник оглядел меня блеклым взглядом.

– Что за проблема требует решения?

Я принялась самозабвенно врать:

– Два года тому назад дала сотруднице лаборатории Павловского Вике Пановой большую сумму денег. Целых 500 долларов.

Кадровик причмокнул.

– Да уж, прямо состояние по нашим временам!

– Вот-вот, а я человек небогатый, бюджетница. Вика обещала вернуть деньги, но все что-то не получалось. А тут звоню ей на работу, говорят, уволилась, домашний телефон не отвечает, а адреса у меня нет. Помогите, пожалуйста, не хочется такую прорву денег терять!

– Ох, молодежь зеленая, – наставительно заметил мужчина, – разве можно без расписки в долг давать?

– Вроде неудобно у знакомой брать…

– Неудобно спать на потолке, – ворчал полковник, весьма неумело ворочая мышку. – Хорошо, если данные не уничтожил!

Но, на мое счастье, Виктория Михайловна Панова в списке обнаружилась. Выдал компьютер и адрес – Кислый переулок. Совсем рядом, можно пешком дойти. И я пошла. Погода начинала портиться, с запада натянуло облаков, солнце скрылось, явственно похолодало. Когда я входила в темный, загаженный подъезд, по пыльному асфальту забарабанили первые крупные капли дождя.

Дом, где проживала Панова, возводили в начале века. Всего три этажа, а высота с современную пятиэтажку. Лифта нет и в помине, на каждой площадке всего по две квартиры. Шестая, конечно же, на самом верху. Преодолев бесконечные лестницы, я нажала на звонок. Где-то далеко глухо затренькало. Из разбитого окна сильно дуло холодным воздухом, я надавила на кнопку еще раз. За дверью загромыхали замки, и высунулась тетка. Опухшее лицо в бордовых пятнах, мешки под глазами и сильный запах перегара.

– Чего трезвонить? – раздраженно спросила она. – Кругом дрыхнут.

Я взглянула на часы – шесть вечера! Самое время крепко спать!

– Вы давали объявление по поводу продажи квартиры? – решила я завести разговор и неожиданно угодила в десятку.

– Входи, – распорядилась баба и впустила меня внутрь. – Обувь не сымай, сегодня не убиралась.

Судя по ровному слою пыли, покрывавшему все вокруг, здесь не мыли уже полгода. Длинный коридор, казалось, не имел конца. Откуда-то вылезла тощая, ободранная кошка и принялась истошно мяукать. Вика пнула киску и распахнула дверь первой комнаты. Мебели почти никакой, занавески похожи на грязные половые тряпки. Впрочем, с тряпками я погорячилась – у нашей Ирки тряпки намного чище. Следующие три комнаты походили на первую, как близнецы. В последней обнаружилась незастеленная кровать без постельного белья. Чуть приятней выглядела просторная кухня. Хозяйка усадила меня за покрытый липкой клеенкой стол и осведомилась:

– Выпить хочешь?

– Спасибо, за рулем.

– Ну и ладно, – сказала Вика, плеснула себе в стакан дешевой водки и молниеносно опрокинула емкость. – Квартира хорошая, только ремонт нужен. Место удобное: центр и тихо, метро рядом, школа, детский сад, магазины, не то что в новостройках, и хочу недорого. Только все оформление и переезд за ваш счет.

– Хорошо, хорошо, – пробормотала я, – меня устраивает, что близко от работы.

– Где пашешь? – оживилась пьянчужка.

– Раньше в институте преподавала, а теперь сменила место, перешла в лабораторию к академику Павловскому, тут недалеко.

Вика с треском опустила стакан на стол.

– Ну надо же!

– А что такое?

– Я у Алика восемь лет оттрубила, пока он меня не выпер. Сволочь жуткая, коллектив – гадюки. Лучше беги оттуда, пока жива.

– Вы уж скажете! Очень хорошее место, туда знаете сколько народа рвется, спасибо, за меня Виолетта Сергеевна словечко замолвила.

– Старая вшивая крыса, – емко заметила Вика, – тебя сам бог сюда привел, слушай внимательно.

Она налила еще водочки, выпила жидкость, как воду, и принялась рассказывать:

– Я из Иванова, знаешь такой город невест? Мама на фабрике ткачихой, а отец, говорят, из военнослужащих был, да только никогда его не видела. Городок наш – жуть. Девчонке одна дорога – на ткацкую фабрику. Хоть на космонавта выучись, все равно другой работы не найдешь. Вот я и подалась в Москву.

Поступила Вика в педагогический, училась хорошо и на четвертом курсе познакомилась с Димой, сыном Альберта и Виолетты. Юноша последовательно

вылетел за неуспеваемость из трех вузов и в конце концов осел в педе. Вике страшно хотелось зацепиться в Москве, и она быстренько охмурила простоватого парня. Большого ума тут не требовалось, несмотря на его высокородность, девушки не очень жаловали обжору. Дима привел Вику домой пред светлые очи Виолетты Сергеевны. Умная мать сразу раскусила планы хитрой студентки и дала понять, что Дима ей не пара. В те давние времена Виолетта еще надеялась удачно женить чадушко. Правда, против романа не возражала, очевидно, считая, что лучше Вика, чем какая-нибудь лимитчица с кирпичного завода. Альберт Владимирович помог с аспирантурой, Виолетта присоветовала жениха – застенчивого Пашу Кузнецова, сына приятелей Павловских. Вика не раздумывая выскочила замуж, стала обладательницей вожделенной московской прописки и только тогда повнимательней присмотрелась к супругу.

Были у Паши какие-то странности в характере. Мужчина мог по неделям не разговаривать, потом впадал в возбужденное, даже истерическое состояние, становился говорлив и весел, приглашал друзей, пил несколько дней напролет, затем опять злобно молчал. После смерти родителей он стал агрессивным и начал поколачивать Вику. Не сразу бедняга сообразила, что мужа следует отвести к психиатру. Но в конце концов они оказались у врача, и Вика с ужасом узнала диагноз – вялотекущая шизофрения. Обнаружилась и старая история болезни. Оказалось, Паша болел с тринадцати лет, состоял на учете. Врач посоветовал обязательно женить парня, но в своем кругу невесты не нашли. Слухи о болезни Кузнецова достигли многих ушей, и замуж за психа никто не хотел. Тогда Виолетта присоветовала Вику. Ни свекор со свекровью, ни сваха ни словом не обмолвились о болезни жениха. Вика получила желанную площадь в столице, но в придачу к ней – супруга-психопата.

Жизнь ее превратилась в ад. Сезонные весенние и осенние обострения недуга укладывали Пашу в клинику, но зимой и летом он сидел дома. Чтобы муж не распускал руки, Вика принялась поить его водкой, куда от души подмешивала галоперидол. Сначала Пашу просто сводили судороги, но потом с ним случился инсульт. И здесь на помощь вновь пришла Виолетта. Очевидно, профессорша все же испытывала неудобство перед девчонкой, потому что стоило Вике пожаловаться Альберту Владимировичу на тяжелую ситуацию, как проблемы моментально решились. Для Паши нашлось место в специализированной клинике, где он тихо скончался от надлежащего ухода. Вика осталась единоличной обладательницей гигантской квартиры.

– Ну и что? – прервала я ее плавный рассказ. – Подумаешь, годок-другой с ненормальным помучилась, зато сколько всего получила. Небось и диссертацию защитила. Другие знаешь как за такое вкалывают? Некоторые между прочим, с алкоголиками всю жизнь живут!

Женщина возмущенно фыркнула:

– Не перебивай, это только присказка, сказка будет впереди. У Павловского знаешь как в лаборатории заведено? Он тебе кусочек – ты ему всю жизнь взамен. Там так – либо верно служишь, либо с землей сровняют. Видишь, что со мной сделали? Из лаборатории выгнали, стала на другое место работы устраиваться – везде отлуп. Алик предупредил, чтобы меня не брали. А он в экономике бог и царь, никто ругаться не станет. Еле-еле в школу пристроилась, так и оттуда попросили. Теперь квартиру продаю.

И она вновь плеснула в стаканчик водку. «Сама ты хороша, пьянчуга», – подумала я, глядя, как Вика меланхолично жует кусок засохшей горбушки, и спросила:

– Что же такое ты сделала Павловским?

Женщина вздохнула.

– Непокорность проявила. Сначала, как все, на посылках была: принести, постирать, приготовить. А потом Виолетта звонит и плачется: «Дорогушенька, такое несчастье случилось».

Оказывается, Светка стала истицей в судебном процессе. Продала квартиру, а деньги ей не отдали, «кинули». Мошенника поймали, и он пошел под суд. Теперь нужен человек, характеризующий подследственного с плохой стороны.

Вика согласилась стать лжесвидетельницей, и Виолетта дала выучить текст показаний. Женщине предлагалось притвориться соседкой Виноградовых. Якобы однажды вечером зашла к Катюше и увидела у них на столе пачки долларов, которые пересчитывал Роман. Еще следовало сообщить, что Рома пьет запоями, бьет мать, ежедневно посещает дорогие рестораны и водит на дом проституток.

– Постой, – удивилась я, – неужели судья не заметила, что ты прописана по другому адресу?

Вика захихикала.

– Эта змея Виолетта – хитрая стерва. Велели говорить, что фактически живу рядом с Виноградовыми – снимаю жилплощадь в соседней квартире.

– И подсудимый не опроверг твоих показаний?

– Господи, – всплеснула руками собеседница, – кто же ему поверит, будущему уголовнику? Конечно, сопротивлялся, чтобы в тюрьму не сесть: на то и расчет был!

Вика покорно вызубрила роль и явилась на процесс. Вместе с ней выступали еще две «свидетельницы». И Жанна, и Клара оттарабанили свои выступления без запинки, Вика же заспотыкалась. Ее поразило, что мошенник оказался тощим робким мальчишкой. Он даже не удивился, услышав откровения «соседки», не говорила ничего и Катюша. Вике стало неприятно, показалось, что делает какую-то жуткую гадость. Женщина пошла на первый этаж покурить. В подвале, где стояла урна, никого не было. Вдруг что-то загромыхало, конвойный провел Рому. Следом бежала Катюша.

– Пожалуйста, – просила она солдата, – возьмите для него сверточек, тут только покушать, ведь целый день без еды держат.

– Не положено, – мягко сказал конвойный, – и не проси, мать, права не имею.

Заклацали замки, раздалось тихое всхлипывание. Все действие происходило в узеньком темном коридорчике. Вика не видела, только слышала Катюшу, а та не подозревала, что рядом кто-то был. Внезапно железная дверь вновь заскрипела и раздался голос конвойного:

– Мамаша, кончай убиваться. Ладно уж, давай, что у тебя там.

– Булочка, жареная куриная ножка и пакет кефира.

– А сигареты?

– Он не курит.

– Ох, маманя, – вздохнул конвойный, – тут все курят, беги до ларька, купи две пачки, да поскорей, а то после конца процесса сразу в «зак» посадят.

Катюша молнией метнулась наверх, буквально через пять минут она вернулась. Конвойный вновь открыл дверь и сказал:

– Вот что, мать, не положено все это, здорово могут мне по рогам настучать, но все равно скажу: нанимай адвоката да подавай апелляцию. Я знаешь сколько процессов видел? Да и бандюг перевозил пачками. Сдается мне, твоего подставили по-черному. Доказательств-то никаких, а дело шьют. Кому-то он дорожку перебежал. Небось уж все до процесса решено. И не похож парень на мошенника. У меня интуиция, вот гляжу на подследственного и знаю: виноват или нет. А ты борись!

– Денег где взять, – тихо вздохнула Катюша, – у Павловских карман тугой.

Конвойный еще понизил голос и почти прошептал:

– Тогда не рыдай, жди спокойно приговора, сколько ни дадут, хоть двадцатку, не расстраивайся. Езжай в ГУИН и проси, чтобы отослали в УУ2167.

– Почему? – тоже шепотом спросила Катюша.

– Там начальники сладкие, выкупишь сынка. Сначала на поселок отправят, потом условно-досрочное оформят, они не гордые. Знаешь, сколько стоит парня на поселок вывести?

– Что такое «поселок»?

– Ну, без конвоя по городу ходит, работает на предприятии, а по субботам и воскресеньям домой отпускают, только в милиции отмечаться надо. Это тебе не зона, почти свобода.

– И сколько такое стоит? – прошелестела Катя.

– Говорю же, проси в ГУИНе УУ2167, там за два электрочайника «Тефаль» отправляют, неизбалованные, бедные. У них никто из серьезных не сидит. Так, за два «Сникерса». Вот любой подачке и рады.

Катюша сипло забормотала:

– Спасибо тебе, сынок, пойду сегодня к бабке. Соседка у меня – цыганка – ворожить умеет. Попрошу тебе счастья да здоровья, а свидетельницам, тем, что Ромку моего сегодня утопили, пусть горе будет, хуже чем мне.

Вика больше не могла просто слушать сдавленный шепот и хриплые голоса. У нее нестерпимо заболела голова, затошнило, перед глазами запрыгали разноцветные круги. Кое-как женщина выбралась на улицу. Утром не сумела встать на работу – подцепила грипп. Болела долго, около месяца, и от навестившей ее Жанны узнала, что Роман получил семь лет.

Прошло два месяца. Вика вышла на работу, но из болячек не вылезала: то поднималось прежде всегда нормальное давление, то откуда ни возьмись выскакивали фурункулы, то на глазу вырастал ячмень. Парадоксальным образом точно так же плохо чувствовали себя и Жанна с Кларой. У одной обнаружилась бронхиальная астма, другая угодила в больницу с приступом холецистита. Светлана Павловская, кричавшая на всех углах о невероятной бедности, купила трехкомнатную квартиру.

Викину душу стали терзать сомнения. «Наверное, мать Виноградова навела порчу», – думала женщина. Поколебавшись, она отправилась к экстрасенсу. Тот сообщил, что у Вики абсолютно черная аура, и принялся ее «чистить». В результате сильно «обчистился» кошелек, а болячки остались, к ним теперь прибавился непрекращающийся кашель. Терапевт из районной поликлиники только разводил руками, платный специалист лепетал о неврозе. Отчаявшись выздороветь, Панова обратилась в церковь, где выложила на исповеди все, начиная от лжесвидетельства и заканчивая визитом к колдуну. Пожилой священник вздохнул и сказал:

– Надо покаяться в совершенном поступке. Ступай к матери осужденного и попроси прощения.

Несколько дней женщина колебалась, но, когда однажды утром обнаружила, что у нее надулся гигантский флюс, поехала к Катюше. Та открыла дверь и спросила:

– А, соседушка! Зачем пожаловала, сахарку одолжить?

Измученная Вика рухнула прямо в коридорчике на колени и стала биться головой об пол, вымаливая прощение.

Катя перепугалась и кинулась поднимать «свидетельницу». Вика порыдала у нее на кухне и неожиданно почувствовала сильное облегчение. Флюс к утру исчез, и ночь женщина первый раз проспала спокойно. Тогда она решила искупить грех до конца и отправилась к судье Панкратовой, которая вела процесс Виноградова. Отсидев длинную очередь, Вика оказалась лицом к лицу с женщиной без возраста. Судье можно было дать и сорок, и шестьдесят лет. Подняв спокойные, какие-то бездушные глаза, Панкратова выслушала сбивчивую речь Вики, потом сообщила:

– Вот что, пока не стану давать заявлению ход. Улик, подтверждающих виновность Виноградова, в деле предостаточно, ваше свидетельство не явилось решающим. Кстати, знаете, что за дачу ложных показаний положен срок? Подумайте как следует, нужен ли вам такой казус, и приходите еще раз.

Вика вышла из кабинета в полной растерянности. То, что лжесвидетельство наказуемо, просто не приходило ей в голову.

Но ее неприятности не закончились. Через два дня после визита к судье женщину вызвал кадровик и сообщил, что она попала под сокращение штатов. Увольнение было проведено с соблюдением всех формальностей, даже выдали конверт с зарплатой. Ничего не понимая, Вика кинулась к Альберту Владимировичу, но того, как на грех, было невозможно застать ни дома, ни на работе. Виолетта Сергеевна тоже не брала трубку, и незнакомый женский голос каждый раз сообщал Пановой, что профессорша больна и к аппарату не подходит. Сотрудники лаборатории шарахались от бывшей коллеги, как от прокаженной. Смилостивилась только Жанна Сокова.

– Не звони больше Павловским, – посоветовала она опальной подруге, – очень Алик обозлился на тебя за визит к судье. Думаешь, Панкратова ему не позвонила? Так что уходи потихоньку.

Пришлось Вике собирать манатки. Следующие полгода она носилась по Москве, тщетно пытаясь устроиться на работу. В разных учреждениях ее просили заполнить анкеты, но потом выяснялось, что мест нет. Однажды в одном занюханном институтике кадровичка шепотком сообщила Вике:

– Всем подходите: и москвичка, и кандидат наук, но только чем вы так обозлили господина Павловского? Он звонил ректору, и наш начальник велел вас на пушечный выстрел не подпускать.

Вика почувствовала, что ее обложили, словно волка – кругом красные флажки, и нет входа. Поняв, что работы не найти, Панова от отчаяния позвонила Павловским. Трубку сняла Виолетта.

– За что, – закричала бывшая аспирантка, – почему травите меня?

Виолетта Сергеевна ласково произнесла:

– Вика, детка, что происходит? Неприятно, конечно, попасть под сокращение, но велели уволить двух сотрудников. А по традиции это должны быть те, кто недавно устроился в лабораторию. Если ищешь до сих пор работу, попрошу Альберта Владимировича помочь.

Через неделю местечко нашлось: в одной из школ на окраине требовался преподаватель ОБЖ. Поскольку ничего другого не светило, Панова стала вбивать в детские головы ей самой непонятный предмет. Сорок два часа в неделю за триста рублей зарплаты. Гаже всего было то, что Павловские опять выглядели благодетелями: помогли предательнице.

Прежние знакомые, боясь гнева Альберта Владимировича, перестали звонить, из новых появился только преподаватель физкультуры, большой любитель выпить. Через полгода Вика уже регулярно прикладывалась к бутылке, стала пропускать занятия, и ее выгнали. Жизнь окончательно пошла под откос, теперь предстояло продать квартиру.

Я слушала женщину, не перебивая. Инстинктивно подозревала, что свидетельницы врали.

– Вот что, Вика, дам вам тысячу долларов, если завтра, проспавшись, пойдете со мной к нотариусу и официально оформите признание.

– Хитрая какая, – усмехнулась пьянчуга, – за кусок баксов в тюрягу садиться.

– Нотариус не судья, процесс не возбудит, – успокоила я тетку, – подумайте, деньги хорошие, к тому же постараюсь представить дело так, что вас вынудили лжесвидетельствовать.

Вика притихла, потом, очевидно, пересчитала деньги на бутылки и сомневающимся голосом произнесла:

– Давайте телефон, позвоню, как надумаю.

Я покачала головой.

– Нет. Предложение действительно только один день – завтрашний. И условие такое: вы даете мне свой телефон, а я позвоню завтра около полудня.

Панова поколебалась секунду, потом оторвала от газеты полоску и быстренько накорябала несколько цифр. Я сунула обрывок в сумочку и пошла к выходу.

– Послушайте, – крикнула Вика, – скорей всего соглашусь, дайте задаток, хоть двадцатку!

– Нет, – твердо сказала я, – завтра, всю сумму разом и только после визита к нотариусу.

На улице бушевал ливень. Потоки воды текли по тротуару, редкие прохожие прятались под зонтиками. Мой плащ остался в «Вольво», а автомобиль был запаркован у метро. Пришлось ждать в вонючем подъезде. Примерно через пятнадцать минут потоп прекратился, с неба сыпались редкие капли. Я прикрыла голову пакетом и, старательно обходя лужи, доплыла до «Спортивной». Несмотря на все усилия, дешевые матерчатые тапки промокли, а

тонкая юбка облепила ноги. «Вольво» не было. Я тупо посмотрела на место, где оставила утром автомобиль. Может, перепутала проулок? Нет, вон будка «Мороженое» и знак, разрешающий парковку. Значит, угнали, вот здорово. Я подошла к мороженице и спросила:

– Не видели случайно, тут такая машина вишневого цвета стояла.

– «Вольво», что ли? – отреагировала раскрашенная девица и радостно хихикнула. – Забрали вашу тачку эвакуаторы, здесь стоянка только для банка. Видите вывеску? Ихний охранник и вызвал. Они всегда машины отсюда увозят. Ну теперь помучаетесь, пока назад получите, да еще и денег заплатите.

И она залилась счастливым смехом. Действительно, у соседа корова сдохла, а мне приятно. Ладно, поймаю такси и отправлюсь домой. Не успела я шагнуть на проезжую часть, как рядом резко затормозил новенький глянцевый «Мерседес». Передняя дверца распахнулась, и бархатный мужской голос радостно произнес:

– Дашенька! Какими судьбами? Садитесь, подвезу.

Я заглянула внутрь пахнущего дорогими сигаретами салона и увидела за рулем белозубого Валерия.

Светланин муж призывно помахал рукой, и я плюхнулась на дорогое сиденье из натуральной кожи.

– Погодка класс, – радостно возвестил Валерий, глядя, как с меня медленно стекает вода. – Как оказались в этом районе?

– Родственницу искала, да она переехала.

– А я к тестю ездил, – сообщил мужчина. – Академик рукопись какую-то дома забыл, вот меня и послали. Знаете что, давайте перекусим. Вы обедали?

– Нет, только не одета для ресторана.

– Ерунда, – махнул рукой Валерий, – тут есть одно местечко неподалеку.

И он принялся кружить по переулкам. Вскоре мы оказались около небольшого кафе. Валера галантно распахнул передо мной дверь. Внутри просматривалось всего несколько столиков. Плотно зашторенные окна, полумрак рассеивается маленькими настольными лампами. Действительно очень уютно. В таком освещении даже я превосходно выгляжу. Мой спутник огляделся по сторонам и крикнул:

– Ашот!

Зазвякала занавесочка из стеклянных бус, и в зал вошел, нет, вплыл пожилой армянин. Увидев «композитора», он расцвел от восторга:

– Какой дорогой гость! И, как всегда, с красавицей!

Валера шутливо ткнул хозяина в бок:

– Ладно тебе, старый лис, лучше скажи, что сегодня?

Ашот причмокнул губами.

– Для вас – осетринка по-монастырски, но если дама не любит рыбу…

– Люблю, люблю, – заверила я его.

К осетрине подали почему-то красное вино. Я не высказала удивления – откуда тетка из Казани может разбираться в подобных тонкостях. Честно говоря, и еда, и выпивка были так себе; хорош оказался только кофе, сваренный по всем правилам в раскаленном песке.

– Согрелись? – ласково поинтересовался Валера. – Что же без зонтика в такую погоду?

Мы поболтали о том о сем, потом кавалер предложил:

– Давайте довезу до дому.

Я замялась, представляя себе, какую физиономию он скорчит, увидав наш двухэтажный особняк.

– Нет, нет, спасибо, лучше до метро.

– Бросьте, – продолжал настаивать Валера, – дождь хлещет как из ведра.

Делать нечего, пришлось согласиться и дать настырному извозчику адрес Катюши. Ключи у меня в сумке, на худой конец, захлопну перед его носом дверь. Но все получилось иначе. Валера повез меня каким-то странным путем, и совершенно таинственным образом мы оказались на проспекте Вернадского. Водитель притормозил возле блочной башни с ярко-голубыми панелями.

– Дашенька, поднимитесь ко мне на пять минут.

– Как? – изумилась я. – Насколько помню, ваша квартира рядом с домом Альберта Владимировича. Хотя я плохо ориентируюсь в Москве, мы что, с другой улицы подъехали?

Валера рассмеялся.

– Абсолютно правы. Наша со Светкой квартира в противоположном конце Москвы, а здесь мое холостяцкое гнездышко, конспиративная явка. Ну что, пойдем?

Я вышла из «Мерседеса» и, противно чавкая грязными тапками, направилась к подъезду. Ну не станет же он меня насиловать, в случае чего заору как ненормальная.

Квартирка оказалась премилым местом – однокомнатная, уютная, какая-то по-женски ухоженная, даже кокетливая. Впрочем, следы женщины обнаружились и в ванной: розовый махровый халат, размера этак 46-го, несколько баночек крема для лица, кое-какая косметика.

– Вытритесь полотенцем, – крикнул зять Павловских, – и наденьте халат, а одежду повесьте на обогреватель!

Чудненько, обольщение по всем правилам.

– Неудобно как-то натягивать чужой халат! – выкрикнула я.

Валера заглянул в ванную.

– Он «пароходский».

– Чей?

– Анекдот такой есть. Мужик на пароходе решил прокатиться. Вошел в каюту, разложил вещи и злится – зубную щетку забыл. Идет в ванную, глядь, а она там торчит, родная! Он обрадовался, давай зубы чистить, тут входит другой парень и говорит: «Я здесь до вас жил, щетку забыл, а вы ею уже в рот залезли». Первый начинает извиняться: «Простите, простите, думал – пароходская».

Я в задумчивости поглядела на халат. Интересно, при каких обстоятельствах смогла бы воспользоваться подобным предложением? Надо признать, никогда еще в своей жизни не теряла настолько голову, чтобы использовать общий халат. А вот другие женщины, очевидно, испытывали подобные страсти. Даже обидно немного.

В кухне был сервирован стол. К растворимому кофе подавалась коробочка турецких псевдошоколадных конфет и бутылка паршивого коньяка. Но тетка из Казани, очевидно, должна изобразить восторг. Я постаралась изо всех сил, дождалась, пока хозяин отвернулся к мойке, и быстренько опорожнила емкость со спиртным в горшок с алоэ. Надеюсь, бедному растению не повредит порция жуткого пойла. Что делать, жизнь во Франции разбаловала, приучила к качественной выпивке.

Валера принялся жаловаться на одиночество и непонятость, потом намекнул, что может посодействовать и достать мне контрамарки в столичные театры. Изредка вздыхал и брал меня за руку, с каждым разом подсаживаясь все ближе и ближе. Я уже подумывала, как отступить из холостяцкого гнездышка с наименьшими потерями, как вдруг раздался звонок в дверь.

– Странно, – пробормотал ловелас и, плотно притворив дверь кухни, вышел в прихожую.

Сначала стояла тишина, потом раздались крики, шум, что-то с грохотом упало, и в кухню ворвалась растрепанная девушка. Топнув довольно толстой ножкой, вошедшая заорала:

– Уже коньяк в ход пошел! На мое белье небось шлюху положить решил.

На всякий случай я ухватилась за разделочную доску – все-таки оружие. Но девушка не стала кидаться на меня с кулаками, а, рухнув на табуретку, противно зарыдала.

– Как ты мог! Да посмотри на нее как следует, небось полтинник разменяла, ни рожи ни кожи!

Валера неловко топтался сзади.

– Пусенька, это не то, что ты вообразила. Дарья Ивановна – аспирантка Алика, приехала за книгами.

– Правда? – спросила девчонка, размазывая сопли по деревенскому личику.

Потаскун умоляюще глянул на меня.

– Абсолютная, – заверила я ревнивицу, – только за литературой заехала, и потом, не волнуйтесь, мне совершенно не нужен Валерий.

Девица шмыгнула носом и побежала в ванную. Я быстренько нацепила влажные тапки и выскочила под проливной дождь.

ГЛАВА 8

Утром в спальню влетела Маня.

– Никогда не была в Киеве, – заявила дочь с порога.

– Я тоже, а в чем дело?

Выяснилось, что Ольга собралась на несколько недель к родителям, близнецы отправляются с ней. Но Аркадий не может поехать, как раз сейчас нашелся новый клиент, и сын занят на процессе. Няня Серафима Ивановна наотрез отказывается сопровождать Зайку. Старушка до смерти боится самолетов. Одной с двумя малышами невестке просто не справиться, поэтому сопровождать ее предложено Мане.

– А лицей? – робко осведомилась я. – Занятия еще идут.

– Ерунда, – постановила Маня, – позвоню Оксане, она даст справку о болезни. Я же хорошо учусь, почему нельзя?

Что верно, то верно, в дневнике у нее нет даже четверок.

К тому же Олины родители вполне благополучные люди. У них роскошная дача на Днепре. Аркашка ездил в прошлом году к тестю с тещей, так потом два месяца не мог успокоиться, перечисляя блюда, которыми его потчевала Анфиса Леокадьевна: вареники, галушки, деруны, пампушки… Маня только завистливо вздыхала.

– Ладно, поезжай, все равно до конца учебного года всего ничего осталось.

– Мусечка, ты – чудо! – завопила дочь и понеслась собирать чемодан.

Оля вздохнула:

– Маруське отдам Ваньку. Он орет так же громко, как она, пусть в самолете друг друга перекрикивают. Мама вот все убивается, что нельзя хоть одного внука к ней прописать. Разные государства теперь, а кому…

Но я уже перестала ее слушать. Прописка! Интересно, кто был прописан в квартире у Светланы? На суде этот щекотливый вопрос просто обошли стороной.

Нигде в деле не упоминался таинственный жилец. Кто он или, может, она? И куда дели человека, в бомжа превратили? Почему же не сопротивлялся? Нет, надо срочно узнать подробности. Но сначала позвоню Вике Пановой.

Алкоголичка сразу схватила трубку, очевидно, ждала звонка.

– Согласна, – затараторила она, – будь по-вашему. В конце концов, справедливость должна восторжествовать.

Вот и чудненько, и деньги получит, и будет считать себя борцом за истину. Я велела пьянчужке ждать. Панова послушалась и, очевидно, с утра не брала в рот ни капли. Она даже попыталась навести марафет, потому что покрыла руины, когда-то бывшие лицом, толстым слоем тональной пудры. «Мерседес» привел свидетельницу в восторг.

– Небось копейки не считаешь, – констатировала она, устраиваясь на сиденье.

У нотариуса мы тщательно записали ее показания, поставили на каждой странице подпись и печать. Когда тоненькая папка оказалась у меня под мышкой, я дала Вике доллары и доставила свидетельницу домой. Не успела выйти из подъезда, как запикал пейджер. «Альберт Владимирович ждет к трем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/darya-doncova/eta-gor-kaya-sladkaya-mest

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити